

НЕЖЕЛАННАЯ ЖЕНА ДРАКОНА

АЛЕКСАНДР ВИТАЛЬЕВ

Александр Витальев

Нежеланная жена дракона

«Автор»

2026

Витальев А.

Нежеланная жена дракона / А. Витальев — «Автор», 2026

Арт объявил меня виновной при всем совете и стер из рода как опозоренную жену. Я четыре года строила себя заново вдали от него и его имени. Теперь его род возвращает меня в дом дракона по магическому контракту — чтобы смыть позор с семьи, а на моем запястье снова горит его печать. Мне обещана хозяйская власть в северном крыле замка, но каждый шаг по этим коридорам напоминает, кто меня сломил, а в его глазах стоит другая женщина. Я должна выбрать: уйти снова, оставив печать и клеймо, или остаться и заставить дракона заплатить за каждую униженную ночь.

© Витальев А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Письмо на столе	5
Глава 2. Печать на ладони	12
Глава 3. Чужие духи	21
Глава 4. Общий обед	28
Глава 5. Печать на ладони	34
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Александр Витальев

Нежеланная жена дракона

Глава 1. Письмо на столе

Письмо лежало на столе там, где ему быть не полагалось, — посреди счета за дрова, под латунным пресс-папье в виде драконьей головы. Я узнала почерк Тирена до того, как развернула: старческие буквы с хвостиками, которые цеплялись за линейку, как будто старик боялся, что строка убежит. Мне было все равно, чего он там боялся. Меня вызвали обратно в дом, из которого четыре года назад вышвырнули как сломанную куклу, и я еще не решила, что с этим делать.

Ирса стояла за спиной, теребя край передника. Шептала в затылок, как всегда, когда нервничала:

— Барыня, там внизу Мейра пришла. И поверенный из столицы. И лорд... — она запнулась, — лорд Арт в большом зале.

Я развернула письмо. «Возвращение чести рода». «Контракт». «Обязательный обход северного крыла ежевечерне». «Отчет ревизору». «Печать Серого Пламени активируется в момент подписания». Последняя строка была хуже остальных: «супружеская клятва мужа остается добровольной, но ее отсутствие делает печать постоянной». Почерк становился мельче, будто Тирен сам стыдился того, что писал.

Мейра ждала у двери. Она не поздоровалась, только посмотрела на меня так, как смотрят на больную скотину, которую привели на выпас после зимы — жалость пополам с облегчением. В ее руках была связка ключей, и верхний, медный, я узнала сразу. Ключ от амбара в северном крыле. Мой амбар. Четыре года назад его отобрали вместе с фартуком и списком больных.

— Барыня, — сказала она тихо. — В лечебнице тринадцать человек лежат. Мартен не привозил трав с самого Ильина дня. Слушайте меня, не перечьте старикам на совете. Вас вернули не простить. Вас вернули, чтобы род снова стал белым перед ревизором. Лучше бы вы были просто гостей.

— Я не гостя, Мейра. Я была здесь хозяйкой.

Она ничего не ответила, только наклонила голову и протянула ключ. Я взяла его, и латунь показалась мне теплой, будто кто-то держал его в кармане все эти годы и ждал меня. Я положила ключ в карман. Тяжесть была маленькая, но спина у меня выпрямилась сама.

Ленна Тарг сидела в конце коридора, в кресле, которого раньше не было. Бархат, бронза, бледно-голубое платье. На груди висело кольцо — крупные сапфиры в серебре, подарок совета, не Арта. Она улыбнулась мне так, как улыбают чужим детям на ярмарке — сладко и сверху вниз.

— Риана, дорогая, — сказала она, и голос у нее был мягкий, как летний дым. — Какая радость, что вы вернулись. Арт так переживал, бедняжка. Теперь ему будет спокойнее, и я смогу наконец заняться его гостевыми покоями. Северное крыло давно пора отдать под спальни для приезжих, вы же понимаете. Не дело держать тринадцать калек в комнатах, где могли бы спать гости.

Я остановилась. Не потому что испугалась. Потому что за четыре года я забыла, каково это — слышать в собственном доме голос, который уверен, что ты здесь лишняя.

— Ленна, — сказала я ровно. — В моей лечебнице тринадцать человек ждут перевязки. Мне не до ваших гостей. Если совету нужны спальни, пусть строит новые.

— Милая, — она поднялась, запах ее духов ударил мне в висок, сладкий и приторный, как старые лепестки, — вы теперь гостя в этом доме. Арт так и объявит на совете. Не огорчайте его в первый же день.

Я не ответила. Я пошла к лечебнице, и Ленна смотрела мне вслед, и я знала, что она улыбается.

У двери лечебницы меня ждал Арт. Не в зале, не на крыльце — у дверей моего крыла, как будто имел право. Он был в черном, и серебряная печать на его ворота ловила свет. Лицо у него было каменное, и я четыре года не видела его так близко, и мне стало холодно там, где раньше было горячо. Я заставила себя не отводить глаз. Печать на моем левом запястье под рукавом отозвалась холодным огнем, будто почувала хозяина.

— Риана, — сказал он. Голос ниже, чем я помнила. — Зайди.

— Я и так зайду. Это мой дом.

Он не двинулся. Только приподнял бровь, и в этом жесте было все, что он умел: власть, усталость, и что-то еще, чему я запретила себе верить. Потом сказал:

— Контракт подписан твоей кровью и моей. Кровь вернулась под одну крышу. Печать уже на тебе.

— Я знаю. Я читала письмо. Я знаю, зачем вы меня вернули. Только не думайте, что я буду молчать. У мальчика ожог в форме вашей печати. Я буду говорить об этом так громко, как потребуется.

Он смотрел на меня, и я видела, как у него на скулах проступили желваки. Не от злости. От страха, которого он не хотел показывать. Я впервые за четыре года увидела на этом лице страх, и это стоило мне дороже, чем я думала. Я отвернулась и вошла в свою лечебницу.

Лечебница встретила меня запахом гнили и застарелой крови. Тринадцать коек, тринадцать тел, и почти все молчали. Кто-то стонал во сне, кто-то просто лежал, уставившись в потолок, и я по глазам видела: эти люди сдались задолго до того, как я сюда вошла.

Я поставила саквояж на стол, не раздеваясь. Пальто было мокрым от дождя, но мне было плевать — во мне горела злость, холодная и рабочая, та, что четыре года спала под коркой. Открыла первый шкаф — пусто. Второй — пусто. Третий — мешочек с речным песком, в котором когда-то держали пиявок. Я сунула пальцы в песок, он был ледяной, и я подумала: мальчик с ожогом. Мальчик, о котором я еще ничего не знаю, но уже знаю все.

Мейра стояла в дверях, не решаясь войти. Она так и осталась там, на пороге, как в прошлый раз, когда меня выгоняли — тоже стояла и молчала, только повторяла: «так надо, барыня, так надо».

— Иди сюда, — сказала я. — Поможешь мне перевязать того, что у стены. У него рана гниет.

Она подошла. Вместе мы стянули повязку с плеча мужчины, который не назвал мне своего имени. Под повязкой было красное, влажное, вонючее, и я стиснула зубы, чтобы не выругаться. Мейра подавала чистые тряпки, я резала старый лен на полосы, и мы работали молча, как будто не было этих четырех лет, как будто я никуда не уезжала, а просто вышла за хлебом.

— Барыня, — шепнула Мейра, когда мужчина наконец уснул, — мальчик с ожогом... его зовут Тоби. Он не говорит почти. Он из приюта, и я не знаю, кто его привез. Только печать у него на спине, точно как ваша.

— Покажи, — сказала я.

Она повела меня к дальней койке, за ширму из серой ткани. Тоби лежал на животе, обхватив подушку руками. Худой, как жердь, кожа серая от голода и страха. Я осторожно сдвинула край рубахи и ахнула. На лопатке у него был ожог — аккуратный, почти квадратный, с завитком по краю. Печать Верета. Не старый ожог от утюга, не падение в костер. Кто-то из драконов приложил собственную метку к ребенку, и этот кто-то знал, что делал.

Я села на край койки. Тоби не обернулся, но его плечи дрогнули — он почувствовал, что рядом чужой. Я положила ладонь ему на затылок, легко, без нажима.

— Тоби, — сказала я. — Я лекарь. Я тебя не трону.

Он не ответил. Только чуть повернул голову, и я увидела его глаз — один здоровый, карий, другой воспаленный, красный по белку. Он не плакал, но я поняла, что плакал давно и теперь разучился.

В кармане у меня лежал амбарный ключ. Я достала его, повертела в пальцах и положила на тумбочку у кровати Тоби, рядом с кружкой воды. Если этот ключ что-то значит, то он значит вот это: что я здесь, что я начала, и этому ребенку больше никто не приложит печать.

— Барыня, — снова шепнула Мейра, — ключ-то не вам отдан. Его лорд Арт изволит хранить, а вам только пользоваться дали.

Я не обернулась. Я смотрела на Тоби.

— Мейра, — сказала я, — когда я уходила из этого дома четыре года назад, я забыла здесь фартук. Я за ним вернусь, и за всем остальным тоже. А теперь дай мне чистой воды, чистого льна и масла зверобоя. У меня тринадцать больных, и у меня мало времени.

Она вышла. Я осталась одна с мальчиком, у которого на спине была печать его же хозяев, и с ключом, который грел мне ладонь сквозь ткань кармана. Я знала, что вечером придет обход, что Арт не придет, что печать на моем запястье будет гореть всю ночь. Знала, что Ленна улыбается где-то в южном крыле, что Тирен сидит над своим письмом и ждет, когда я сломаюсь. Но сейчас я сидела рядом с Тоби и молчала, и ребенок впервые за долгое время расслабил плечи.

Я не сломаюсь. Я уже возвращалась.

Когда дверь за Мейрой закрылась, я подбросила полешко в очаг, и искры полетели в темный угол. Угля почти не было. Кто-то здесь жил, но не готовил.

Я обошла тринадцать коек. Не лечила — записывала. У кого язва, у кого ожог, у кого просто пустой взгляд и сухие губы. Вытащила из саквояжа свою тетрадь, заложила первый лист и начала писать мелким почерком, привычным за четыре года скитаний. Имена выдумывать не стала — просто номера: первый, второй, третий. Тоби стал тринадцатым.

У восьмого больного — мужчины средних лет с перевязанной рукой — я остановилась. Повязка была свежая, лен белый, но пропитан странным запахом: не зверобоем, не полынью, а чем-то сладковатым, от чего во рту становилось тошно. Я размотала повязку, и под ней оказался чистый ожог, но кожа вокруг него была синеватой, будто подмороженной. Нагнулась ближе — и отпрянула. На коже проступал рисунок: тонкая серебряная нить, едва заметная, складывалась в завиток. Не моя печать. Другая, чужая, кого-то из младшей ветви Веретов. Кто-то из драконов приходил сюда и ставил свою метку, как ставят клеймо на скотину.

Я замерла с повязкой в руке. Это была улика, и она была горячая.

— Кто тебя перевязывал? — спросила я тихо, чтобы не разбудить Тоби.

Мужчина открыл глаза. Зрачки у него были расширены, и он долго смотрел на меня, прежде чем ответить.

— Никто, — прошептал он. — Сам.

— А ожог откуда?

Он закрыл глаза. Я больше не спрашивала. Ясно было и так: он не хотел говорить при других, а может, ему было все равно, выживет он или нет.

Я положила повязку обратно, но не завязала. Коснулась пальцами серебряной нити на его коже — и почувствовала холод, знакомый до тошноты. Такой же холод горел у меня на левом запястье, под рукавом, когдаходишь в покои Арта. Чужая печать. Значит, кто-то из драконов пользовался лечебницей как своей мастерской, и никто ему не мешал.

Я вернулась к столу, дописала в тетради: «Восьмой — ожог с чужой печатью, перевязка чужим составом, не моим. Запах сладкий, дурманящий. Подмена лекарства».

В этот момент дверь скрипнула.

Арт стоял на пороге. Один, без стражи, без Мейры. Он снял плащ, и его рубашка была расстегнута у ворота, будто он торопился. Я видела, как бьется жилка у него на шее — быстро, неровно. Он перевел взгляд с меня на коек, сглотнул и только после этого вошел.

— Я пришел, — сказал он. — Не за обходом. За тобой.

Я не встала. Осталась сидеть за столом, и тетрадь лежала раскрытая, и он мог прочесть все, что я там написала. Я не стала закрывать.

— Я занята, — сказала я.

— Я вижу. — Он подошел к койке Тоби. Я видела, как он напрягся, когда увидел ожог на спине ребенка. Рука его дернулась — я подумала, что он хочет коснуться, но он не коснулся. Стоял и смотрел, и впервые за четыре года я видела на этом лице не злость, не холод, не власть, а человека, который понимает, что в его доме кто-то бьет детей его печатью.

— Кто? — спросил он тихо.

— Я не знаю, — сказала я. — Я знаю, что это не Кейн. Кейн не умеет так работать. Это кто-то из старших, и он думал, что никто не заметит.

— Ты заметила.

— Я — заметила. А ты?

Он повернулся ко мне, и в его глазах было что-то, что я запретила себе понимать. Не нежность. Не раскаяние. Страх — тот же, что я видела утром у двери.

— Риана, — сказал он, и голос его сел, — я не знал. Про мальчика — не знал. Про то, что тут делают с людьми, — тоже.

Я молчала. Я смотрела на него и думала: я верю или нет? Не знала. Знала только, что у меня тринадцать больных, восемь из которых нужно лечить заново, тетрадь, в которой я начала записывать чужие преступления, и мальчик за моей спиной, который впервые за долгое время расслабил плечи.

— Тогда докажи, — сказала я. — Не мне. Мальчику. И тем двенадцати, что лежат здесь. Я кивнула на стол, где лежала тетрадь.

— Здесь список. Восьмой — ожог с чужой печатью. Я хочу знать имя. И я хочу, чтобы ты сделал это при мне, а не через Кейна.

Он посмотрел на тетрадь, потом на меня. Я видела, как он принял решение — нехотя, через силу, как пьют горькое лекарство.

— Хорошо. Я сделаю. Сегодня.

Он подошел к двери, остановился, не оборачиваясь.

— Ужин будет в восемь. Ты не обязана приходить.

— Я приду, — сказала я. — Не ради тебя. Ради мальчика, которому нужно есть.

Он ушел. Я подошла к Тоби, села на край койки и положила ладонь ему на затылок.

— Спи, — шепнула я. — Завтра будет тяжелый день.

Он не ответил, но и не отвернулся.

Я заперла дверь лечебницы на засов, и дерево отдало в ладонь сухим стуком. Непривычно было слышать собственный засов на собственной двери. Ключ от северного крыла я вытащила из кармана и положила на стол рядом с тетрадью. Тетрадь закрыла. Запись о восьмом номере осталась внутри, между строк — чужая печать, сладкая дурманящая мазь, чье-то имя, которое я сегодня узнаю.

Потом я обошла комнату. Заслонка очага плохо притворялась, в двух окнах не было задвижек, под третьим лежала мокрая тряпка, которой затыкали щель от сквозняка. На полке у двери стояли четыре банки, три были пустые — кто-то вытащил содержимое и не вернул. В одном из шкафов нашла связку сухих трав, подписанных рукой Кейна: «для крыла», год и месяц. Месяц был прошлый. Травы были старые, труха сыпалась на пол, когда я их тронула.

Я села обратно, достала тетрадь и начала заново. Список покупок писала медленно: мазь от ожогов без сладкой основы, чистая повязка, две свечи, уголь, два новых замка, мыло, крупа

для мальчика. Последний пункт подчеркнула дважды. Добавила четвертый: купить нормальный чай. Если уж спасти проклятый драконий род, то хотя бы не на этой горькой бурде.

Когда совсем стемнело, в дверь постучали. Негромко, костяшкой, не кулаком. У Ирсы стук всегда торопливый, у Мейры сухой и ровный, у Арта — такой, будто он давал двери время приготовиться.

— Открыто, — сказала я, не вставая.

Он вошел уже без плаща. Свечу держал в левой руке, правой придерживал дверь, чтобы не скрипнула. Свеча была тонкая, почти оплывшая, но он нес ее осторожно, как несут что-то живое.

— Ты обещал до ужина, — сказала я.

— Я и пришел до ужина. — Он поставил свечу на край стола, и тени сразу прыгнули по стенам. — Восьмой номер — это Олвен, старший конюший. Печать на нем не моя. Не Кейна. Это Каэл, мой дядя по матери.

Я промолчала. Ждала второго имени.

— Мальчика, — продолжил он тише, — Каэл не трогал. Я проверил. Ожог у ребенка старый, ему год. До возвращения.

— Тогда чей?

Он сел на табурет у двери, не у стола — у двери, чтобы между нами осталась вся лечебница. Я отметила это. Он не сел на чужую койку.

— Пока не знаю. Но клянусь, я узнаю.

Я смотрела на него и слушала, как он это говорит. Не «я прикажу». Не «я вызову». «Я узнаю». Впервые за четыре года я услышала от него слово «клянусь», и оно не было произнесено как приказ.

— Если ты солжешь, — сказала я, — я уйду. Не из дома. Из этого крыла. Заберу мальчика, заберу своих больных и уведу туда, где от меня не пахнет твоей родней.

Писец поднял перо. Он не ответил сразу. Смотрел на ключ, лежавший на столе рядом с моей тетрадью, и я видела, как он сглотнул.

— Я не солгу, — сказал он.

Я ему не поверила. Но спорить не стала. Выдвинула из-под стола вторую табуретку и поставила рядом с его, на расстоянии ладони.

— Садись сюда. Мне нужно, чтобы ты посмотрел на ожог восьмого номера. Не на мальчика. На восьмого.

Он встал, пересек лечебницу и сел рядом. Плечо его не коснулось моего, но я почувствовала, как воздух между нами стал плотнее. Я размотала повязку, показала ему синеватую кожу и серебряную нить, и он смотрел долго, не отводя глаз, и дыхание у него стало коротким.

— Не моя, — сказал он наконец.

— Я знаю. Я уже это слышала.

Мы сидели рядом и смотрели на чужую печать. Я впервые за месяц в этом доме не хотела, чтобы он уходил. И именно от этого мне стало холодно вдвое сильнее, чем от его печати на моем запястье. Я размотала бинт до конца. Серебряная нить на скуле Олвена лежала ровно, как шов на сапоге. Нитка поднималась к виску, уходила за ухо и терялась в волосах. Я провела пальцем по краю — кожа под ней была гладкая, холодная, почти стеклянная.

— Видишь край? Здесь линия обрывается, будто кто-то торопился. И мазь сладкая. Такая бывает у тех, кто пользуется чужим пламенем без приказа.

Радан не перебил. Он не ответил. Он смотрел на ожог так, будто впервые видел, из чего сшит его род. Я видела это по его лицу — не злость, не вина, а мертвая усталость, как у человека, который считал, что знает свой дом, а оказалось — нет.

— Я спрошу у Каэла сам, — сказал он наконец. — Не через Кейна. Сегодня.

— При мне.

— При тебе. Только не в лечебнице. Я не хочу, чтобы Олвен слышал.

Я кивнула. Это было разумно, и я впервые за день не почувствовала, что меня используют.

Он поднялся, и я почувствовала, как воздух между нами стал тоньше. Его рукав задел мой, и там, где ткань прошла по ткани, я ощутила жар — не печать, а его собственный, живой, человеческий. Я отдернула руку раньше, чем следовало, и он это заметил.

— Я пришлю Ирсу, — сказал он уже в дверях. — Чтобы помогла с перевязкой.

— Ирса занята. Пришли Мейру. Она умеет молчать.

Он кивнул и вышел. Дверь закрылась мягко, без щелчка, и я осталась одна с Олвеном, который за все это время не пошевелился и не открыл глаз, и Тоби на соседней койке, который смотрел на меня круглыми, слишком взрослыми глазами.

Я пересела к нему, присела на край и поправила одеяло.

— Завтра мы с тобой пойдем в оранжерею, — сказала я. — Я покажу тебе, где растет трава от ожогов. Ты запомнишь.

Он моргнул. Один раз. Я приняла это за «да».

Я снова достала тетрадь и дописала последний пункт, не зачеркивая: «Мейра — прислать. Арт — спрашивает Каэла сам. При мне. Не в лечебнице». Прижала ладонью. Ключ в кармане снова стал теплым.

Мейра пришла без стука, но тихо, как умеют только экономки, которые тридцать лет ходят по чужому сну. Передник сняла, держала его в руках, как тряпку после чужой беды. Я отметила это и ничего не сказала. Ирса подвинулась, уступая ей место у стола, и Мейра села на край стула, не разваливаясь, как в первый день, — значит, она пришла по делу, которое нельзя нести стоя.

— Барыня, — сказала она, и слово «барыня» у нее вышло впервые за четыре года, без нажима, без насмешки. — Кейн прислал поверенного из южной конторы. С запиской. Велел передать лично.

Она положила на стол сложенный вчетверо лист. Я не торопилась его разворачивать. Посмотрела на Мейру, на ее руки, на то, как она держит передник, и поняла: записка не про меня, записка про дом. Кейн не стал бы писать мне лично. Он послал бы Кейну от Тирена, тот бы запечатал печатью управляющего, и она лежала бы в столе у Тирена до утра. А эта пришла через экономку, без печати, потому что печать ставить нельзя — бумага была грязная.

— Читай сама, — сказала я.

Мейра развернула лист, подвинула к лампе.

— «Северному крылу — десять мешков муки, шесть — крупы, четыре бочки солонины, восемь тюков сена. Поставка к воротам к утру. Оплата по контракту возвращения чести. Печать не ставить, чтобы не связывать расход с подписью главы рода. Управляющий Кейн». И внизу от руки, другим почерком: «Свечи забыли. Прибавь две дюжины, Мейра знает, какие».

Последняя строчка была не от Кейна. Я узнала наклон — резкий, с загнутыми хвостиками у «д» и «ж». Так писал человек, который торопится и злится, что торопится. Так писал Арт, когда оставлял мне записки в ящике для трав, еще до изгнания.

Я взяла лист, посмотрела на свет. На обороте, в самом углу, была маленькая отметка — два коротких штриха, крест-накрест, как метка на ошейнике охотничьей собаки. Я знала эту метку. Так Арт помечал то, что не должно было дойти до Тирена. Мне он никогда не объяснял, что она значит, просто ставил в углу, и я понимала: это для меня.

— Мейра, — сказала я, не поднимая глаз, — скажи мне, кто платит за поставку.

— Кейн из кассы крыла.

— А касса крыла?

— На три четверти земли, которые лорд Арт держит отдельно от отца. С разрешения покойной матери.

Значит, Арт платил сам. Не из общей казны рода, не из подачки Тирена, а из тех денег, которые его мать отложила на хозяйство. Я подумала о браслете развода у Тоби на запястье, о браслете, который я сняла с себя, и поняла, что Арт делает то же самое. Он снимает с себя то, что ему дорого, и отдает мне, не называя цены.

— Примешь поставку сама. Утром, до того как Тирен встанет. Расписку не бери. Скажи, что хозяйка крыла доверяет слову управляющего, а слово мы потом запишем в тетрадь.

Мейра кивнула. Потом посмотрела на меня долгим взглядом, каким смотрят на чужого ребенка, когда он впервые сам перевязал себе рану.

— Барыня, — сказала она тише, — лорд Арт ночью был в лечебнице.

Я не вздрогнула. Я ждала.

— Час назад. Стоял у двери, не вошел. Смотрел на мальчика через стекло. Я спросила, зачем он пришел. Он сказал — «посмотреть, дышит ли». И ушел.

— Он не мог войти без моего разрешения, — сказала я.

— Не мог, — согласилась она. — И не вошел. Это я и хотела сказать.

Я промолчала. Потом подвинула к ней тетрадь.

— Запиши под сегодняшним числом. «Мейра — поставка принята, расписка отклонена, доверяю слову». Подпиши сама, без свидетелей. Завтра покажу Данну, он внесет в реестр крыла как запись хозяйки.

Мейра взяла перо. Рука у нее не дрожала, и это было важнее любой клятвы. Экономка, которая подписывает тетрадь хозяйки без печати главы рода, делает выбор. Завтра Тирен спросит, кто разрешил, и Мейра скажет «жена лорда», потому что в этой тетради так записано. А кто не записан в тетради, тому и отвечать.

Когда она вышла, Ирса закрыла за ней дверь и долго молчала, теребя край рукава. Потом сказала в спину, как всегда, когда нервничает:

— Барыня, а свечи? Какие прибавить?

— Две дюжины стеариновых, — ответила я. — Для лечебницы. Для перевязок, чтобы видеть рану чисто. Арт знает, какие нужны. Он запомнил с тех времен, когда его мать лечила слуг.

Ирса хмыкнула. Это означало, что она поняла и не одобряет, но подчинится. Я подошла к окну. За стеклом было тихо, только ветер тянул запах снега с крыш. В лечебнице у Тоби горел свет — маленький желтый квадрат, как будто там кто-то нес фонарь. Я знала, что это не фонарь. Это был отсвет моей свечи на тумбочке, которую я забыла погасить. Но мне хотелось думать, что это Тоби не спит и считает до двухсот, и кто-то рядом, не заходя за порог, следит, чтобы он считал правильно.

Я отвернулась от окна, вынула из кармана ключ. Он был теплый, почти горячий, и я вдруг подумала, что ключ в кармане и Арт за стеной — это одно и то же. Что-то, что греет, пока его не называют вслух. Если назвать — обожжет или погаснет. Я положила ключ обратно в карман, прижала ладонью, как прижимала тетрадь. Потом взяла перо и дописала под списком Мейры последнюю строчку, не зачеркивая: «Свечи — две дюжины. Стеариновые. Для лечебницы. По слову лорда Арта».

Это была маленькая запись, на полстроки, без печати. Завтра Данн прочтет и спросит, зачем. Я отвечу — «чтобы не сгорел дом». Он поймет не так, как надо, и это будет правильно. Потому что правильно здесь было только одно: дом не должен сгореть, пока я считаю, дышит ли тот, кто стоит по ту сторону двери.

За стеной кто-то ходил. Не Арт — у Арта шаг тяжелый и ровный. Это была Ленна Тарг, и я узнала ее по духам — сладким, жасминовым, от которых у меня всегда болела голова. Она прошла мимо двери, остановилась, вдохнула, будто принюхиваясь.

Потом ушла.

Я перевернула ключ в кармане и стала ждать Мейру.

Глава 2. Печать на ладони

Медная ручка двери обожгла мне ладонь раньше, чем я успела вынуть ключ. Замок шелкнул, и я поняла: ключ мне дали не для того, чтобы я вошла, а чтобы я заплатила. Печать на левом запястье вспыхнула холодным серым огнем, словно кто-то провел по коже раскаленной иглой. Я стиснула зубы и толкнула створку плечом.

За дверью была северная спальня, бывшая моя. Я узнала по шраму на косяке и по запаху: выветренный ладан, пыль на бархате, чужие духи. На кровати лежала записка, придавленная кольцом с черным камнем. Я не стала читать, я знала, чья это рука.

В коридоре пахло дымом и хвоей, а у окна стояла Ирса с ведром и тряпкой. Глаза у нее были больные. Она сказала шепотом:

- Ленна Тарг здесь уже два дня. Ей отдали твои гардеробные.

Я поставила саквояж на пол.

- Кто отдал?

- Кейн. Печатью управляющего. Открывай, сказала, иначе припасы придут с задержкой.

Я прошла к гардеробной. Дверь была уже взломана, петли сорваны, на полу валялись мои платья, пересыпанные сушеной лавандой с чужого белья. Ленна пахла ирисами и кедром, это была не ошибка, это было заявление. Я перевернула первый ящик и нашла под чужим кружевом свой амбарный ключ. Тяжелый, теплый, точно его только что держали в руке и грели.

Кейн стоял у двери, разумеется. Руки за спиной, тонкая улыбка.

- Хозяйка северного крыла, - сказал он, - рад приветствовать. Контракт подписан. Северное крыло ваше. Но ключ от припасов передается только по разрешению главы рода.

- Где разрешение?

- У лорда Арта. Вы можете войти к нему после вечерней молитвы.

Печать на запястье горела сильнее. Я поняла правило: каждый раз, когда я подхожу к его покоям или лгу о прошлом, огонь будет бить все глубже. Он не просто вернул меня в дом, он привязал меня к своему порогу болью. Я молча положила ключ в карман.

- Тогда я войду к нему сейчас. Идемте.

Кейн дрогнул. Мейра за его спиной закрыла глаза и чуть покачала головой: не надо. Я уже шла, и Ирса несла за мной саквояж, и по коридору тянуло холодным железом.

У двери в южное крыло дежурили двое. Я остановилась и заговорила вполголоса, чтобы слышали стены.

- Лорд Арт, контракт возвращения чести обязывает вас принять меня как жену и хозяйку северного крыла. Я пришла за разрешением на припасы.

Тишина. За дверью скрипнула кровать, потом его голос, ниже, чем я помнила:

- Войди.

Печать вспыхнула так, что я прикусила язык. Запах его комнаты ударил в лицо: кожа, дым, нагретый камень. Он сидел за столом, без мундира, в расстегнутой рубашке. Ленна стояла у окна в моем сером платье. Я узнала вышивку на вороте, она сама вышивала его в первый год брака.

Он не поднял головы.

- Ты получишь припасы утром. Сейчас иди в северное крыло и жди.

Я подошла к столу. Положила ладонь рядом с его рукой, ровно на линии тени. Печать зашипела.

- Я не служанка. Я не жду у двери. Я ухожу с ключом.

Он посмотрел на меня впервые. У него были тени под глазами, каких я не помнила. Не злость. Страх.

- Лена, оставь нас.

Она не двинулась. Я сказала ровно:

- Ленна Тарг, вы в моем платье. Снимите его и верните в гардеробную, или я вынесу его сама при всех слугах.

Она ушла. Дверь закрылась. Я не отвела глаз.

- Ключ, Арт. Утром у моей двери. И не через Кейна.

Он выдвинул ящик и положил ключ на стол. Черный камень, тот самый с кольца Ленны, я узнала оправу. Я взяла ключ за ободок и спрятала в рукав.

- Завтра утром, Риана.

Я вышла, и печать на минуту стихла. Это было хуже, чем жар. Это было почти признание. Я не обернулась.

Сумеречный коридор пах углем и чьим-то чужим одеколоном, который Ленна Тарг любила больше моей кожи. Я засунула ключ глубже в рукав и пошла к лечебнице. Печать на запястье молчала, и от этого молчания сводило пальцы. В лечебнице у двери уже толпились Ирса с двумя служанками и мальчик лет девяти с перевязанной головой. Мальчик смотрел исподлобья, вцепившись в край рубашки.

- Кто такой? - спросила я тихо.

Ирса склонилась ближе.

- Тоби, сирота из приюта. Сверху привели подкидыша с ожогом в форме печати. Управляющий Кейн велел положить в подвал, ждать ревизии.

Я присела перед ним на корточки. Левый висок обожжен ровно по линии печати, Серое Пламя отпечаталось на его коже так, словно кто взял родовой герб и прижал к ребрам, а потом протащил по виску. Не случайный ожог. Урок.

- За мной, - сказала я и открыла дверь.

Внутри пахло лечебной горечью и застарелым потом. Тринадцать коек, на восьми кто-то лежал. Две больных уже вынесли вместе с матрасами, на их месте осталось пустое тулово из соломы. У стены стояли четыре пустых шкафа, в пятом лежали сушеные корки и кусок мела.

Я повесила саквояж на крюк у двери и включила лампу.

- Ирса, кипятик. Веревку и чистые тряпки. Свет откройте, здесь ничего не видно.

Девочки побежали, и Тоби невольно посмотрел им вслед. Я подвела его к свободной койке и села рядом.

- Покажи, где болит.

Он молча задрал рубашку. На спине у него была полоса от ожога в виде герба Верет, левое плечо ниже опухло и посинело. Это не порка, это след родовой печати, когда кому-то из драконов нужно пометить чужую кровь. У меня самой на левом запястье была та же печать, и я знала, как она горит.

Размотала бинт. Кожа под ним сухая и горячая. Ленна пахнет ирисами и кедром. Я почувствовала, как поднялись волоски на руке.

- Это сделал не я, - вдруг сказал Тоби горлом. Голос тонкий, но ясный. - Ленна приходила ночью в приют, кричала. Я слышал, как она сказала: пусть почувствует Серое Пламя. Это не я.

У меня пересохло во рту.

- Что ты сказал?

- Она сказала мальчишке с ожогом, что я помечен. Сюда меня привели, чтобы я вас увидел. Она не хотела, чтобы я вас увидел.

Я достала из сумки чистую ткань и обмакнула в отваре. Руки не дрожали. Теперь дрожь придет потом, когда никого не будет.

- Тише, - сказала я вслух. - Я тебя слышу.

Он замолчал и сжал зубы.

- Теперь слушай, - сказала я ровно. - Ты остаешься в этой лечебнице. Я займусь твоим плечом. Если кто-нибудь спросит - ты пришел на перевязку, я тебя приняла. Дальше я разберусь сама. Ты не должен ничего больше говорить. Никому. Понял?

Он кивнул. Я вытащила пузырек с мазью и начала перевязку. Руки у меня теплые и негнущиеся.

У двери выросла тень. Я не вздрогнула. Я знала, чей запах приходит раньше шагов: дым, кожа, холодный камень, усталость.

Арт остановился у порога. На нем был дорожный плащ, на поясе - ключи. Он смотрел не на меня, а на мальчика. Под глазами у него было серое, и я впервые не могла понять, что он сейчас делает.

- Что здесь происходит? - спросил он тихо.

Я не повернулась.

- Я перевязываю больного. Вы хотели войти, лорд? У нас в этом крыле лечат, а не допрашивают. Если вы хотите видеть реестр, он у меня в кабинете. Здесь грязная работа.

Он вошел. Никто из слуг не пошевелился. Впервые за четыре года он шагнул в мою половину дома без Кейна за спиной, без приказа, без свиты. Я почувствовала, как теплая кровь ударила в висок.

Он подошел к койке Тоби. Посмотрел на обожженный висок. У него сжались скулы.

- Кто это сделал? - спросил он у мальчика.

Мальчик не ответил. Я положила ему на плечо руку.

- Этого больного я нашла сама, лорд. Он под моей юрисдикцией. Его имя пока останется у меня, потому что так положено по уставу лечебницы. Если вы хотите допросить, ждите моего приглашения. Я подам его, когда закончу перевязку.

Он посмотрел на меня. Не на мальчика. У него были тени под глазами, и я впервые за четыре года поняла, что он чего-то боится.

- Я ждал четыре года, чтобы войти сюда без приказа, - сказал он чужим голосом. - Я не войду без твоего разрешения.

Печать на моем запястье отозвалась коротким холодным ударом. Я поняла, что он не солгал. Я прикусила язык, и кровь была солоноватой на губах.

- Тогда ждите у двери, лорд. Я скоро выйду. Ирса, принеси господину лорду стул.

Он отошел к стене и сел на табурет. Я продолжала перевязку. Мальчик смотрел в потолок, но плечо у него под моими руками больше не вздрагивало.

Я домывала висок Тоби, когда Ирса вернулась с табуретом и жестянкой воды. Поставила жестянку у ног Арта, сама отошла к двери и встала там, где ей не было слышно. Это была старая привычка дома: не быть лишней.

- Можете пить, лорд, - сказала я, не оборачиваясь. Вода из подвала, чистая.

Тоби под моими руками перестал дрожать. Я размотала второй слой бинта, нашла край обожженной кожи, смазала тонкой пленкой мази. Под лампой ожог выглядел страшнее, чем при свече: глубокий, с белым дном, по краю сухой струп.

- Здесь будет рубец, - сказала я мальчику. - Не спрашивай, больно ли будет. Будет. Но ты его переживешь.

Он молча кивнул. Я закрепила повязку полоской ткани, пропитанной смолой, и накрыл ему плечо чистой рубашкой.

- Спасибо, - сказал он так тихо, что я скорее прочитала по губам.

- Лежи.

Арт на табурете не шевельнулся. Я обернулась к нему через плечо. Он смотрел не на меня, не на мальчика, а на свои руки, лежавшие на коленях. Это были руки, которые четыре года назад держали мою шею, когда меня выставляли из зала. Те же пальцы, те же мозоли у

основания, та же длинная линия сустава. Только теперь между костяшками у него были белые шрамы, каких я не помнила.

- Он ваш? - спросила я.

- Нет.

- Тогда чей?

- Не знаю.

Я подошла к столу, на котором стояла жестянка с мазью, и закрыла крышку. Если бы я не закрыла, запах пота и серы наполнил бы всю комнату. Я закрыла, и запах остался только в моей памяти.

- Лорд, - сказала я, не повышая голоса. - Я не знаю, как у вас в южном крыле. У нас в северном не быют детей печатью. Если кто-то из ваших людей это сделал, я подам жалобу. Не вам. Ревизору.

Арт поднял голову.

- Подай, - сказал он глухо.

Я не ожидала. Я ждала отказа, приказа молчать, замечания, что ревизор не его дело. Я сглотнула.

- Хорошо, - сказала я, потому что молчать было бы хуже. - Тогда я начну собирать показания. Мальчик мне доверяет. Я спрошу его сама. Без вас.

Он поднялся. Табурет скрипнул по полу. Он подошел к двери, у которой стояла Ирса, и остановился.

- Риана.

Я не ответила.

- Я знаю, что ты сейчас думаешь. Что я его бил. Что я приказал.

- Я не думаю, - сказала я. - Я работаю.

Он помолчал.

Писец поднял перо. - Я не бил. Но я не остановил. Это одно и то же, и я это знаю. Я не прошу тебя мне верить. Я прошу разрешения принести сюда мазь. Нормальную, не эту камфару. У меня в покоях есть банка с прошлой зимы.

Я закрыла глаза на секунду.

- Принесите, - сказала я. - Поставьте на стол у двери. Зайдет Ирса.

Он кивнул. Я видела, как дрогнул мускул у него на скуле.

Когда он ушел, я села на край койки Тоби и положила руку ему на здоровый висок. Он не отстранился. Это было больше, чем он давал кому-либо за последний год.

- Завтра, - сказала я ему, - ты ни с кем не разговариваешь. Ни с Кейном, ни с его людьми, ни с кухаркой. Только со мной и с Ирсой. Понял?

- Понял, - сказал он.

Я встала и пошла к двери. Арт уже спускался по лестнице, его шаг гудел в каменном пролете. Я видела его спину.

На ступеньке ниже он обернулся.

- Я принесу до утра, - сказал он.

- Я буду ждать, - ответила я, потому что так требовал устав лечебницы, а не потому что я ждала.

Он спустился ниже. Я закрыла дверь и повернула ключ. Щелчок был громким. Печать на моем запястье отозвалась ровным теплом - не жаром, не холодом, а теплом, как у живого. Я впервые не знала, что это значит, и не хотела сейчас разбираться.

Завтра я буду собирать показания. Сегодня я буду спать.

Утро пришло через северное окно, тонкое и белое, как будто замок выдохнул иней. Я не спала толком. Лежала, слушала, как внизу под лестницей возится Ирса, как потрескивает в

печке остаток угля, как где-то далеко, в южном крыле, звякает посуда. Потом встала, умылась ледяной водой, завязала волосы и пошла к Тоби.

Он не спал тоже. Сидел на койке, обнимая колени, смотрел в пол. Когда я вошла, поднял глаза и быстро отвел. Я села рядом, положила ладонь ему на затылок. Не погладила, просто положила. Ему этого было достаточно.

- Молчишь? - спросила я.

Он кивнул.

- Тогда так. Я сейчас уйду к себе в кабинет, принесу тетрадь. Буду записывать все, что ты мне скажешь. Имена, дни, кто приходил. Писать буду только я. Никто не увидит, кроме меня и ревизора, когда придет время. Ты мне веришь?

- Да, - сказал он. Это было первое слово, которое он произнес при мне без паузы.

Я вышла, переобулась в сухие башмаки и пошла по коридору. Печать на запястье была спокойной, чуть теплой, и я впервые не хотела ее снять.

В кабинете меня ждала Ирса. На столе стояла кружка с отваром, от которой пахло полынью и старой медуницей, а рядом лежала жестяная банка с мазью. Крышка была сдвинута, и я увидела, что внутри что-то желтое, густое, с запахом воска и хвои.

Я замерла.

- Это от лорда? - спросила я.

- Принес его человек, - сказала Ирса, глядя в сторону. - Поставил у двери и ушел. Ни записки, ни слова. Только сказал, что до утра.

Я взяла банку. Тяжелая. Значит, не подделка. Я отщипнула ногтем кусочек мази, размазала по тыльной стороне ладони. Кожа не зашипала. Пахло правильно, лечебно. Я закрыла крышку и поставила банку на нижнюю полку, подальше от света.

- Ирса, - сказала я, не оборачиваясь. - Это мазь для ожогов. Хорошая мазь, зимняя. Завтра я перевяжу мальчика ею. Запиши себе.

- Записала, - сказала Ирса. - А что писать про лорда?

- Ничего. Что принес мазь, и все.

- А что принес по моему приказу?

- Молчи, Ирса.

Она вздохнула, но спорить не стала.

Я села за стол, открыла тетрадь и начала писать. «Показания больного Т., северное крыло, первое утро после перевязки». Потом остановилась. Перо было слишком сухим, я макнула его в чернила и долго смотрела на чистую страницу, прежде чем смогла написать первое слово по делу.

«Состояние: ожог височной области, форма повторяет родовую печать Серого Пламени. Глубина поражения средняя, требует ежедневной смены повязки. Назначение: мазь из принесенной банки, компрессы из отвара медуницы на ночь. Режим: лежа, без выхода в общие помещения семь дней».

Я подписала дату и поставила подпись. Подпись была мелкой, но я знала, что ревизор разберет.

Когда я вернулась в палату, Тоби снова сидел на койке. Он смотрел на дверь, будто ждал. Увидел меня и опустил глаза. Я села рядом, положила тетрадь на колени и сказала:

- Рассказывай. Тихо, по одному имени за раз. Я запишу. Имя первого, кто тебя тронул.

Он молчал так долго, что я уже подумала, что откажется. Потом сказал одно слово:

Тоби говорил отрывисто, без украшений, как будто зачитывал по памяти список, который давно перестал пугать. Сначала про Кейна. Потом про его помощника, которого звали просто Молчун. Потом про ночь, когда его привели к печи и держали за плечи, пока кто-то третий, чужой, с холодными руками, прижимал к виску раскаленный металл.

Я записывала и не поднимала головы. Каждое имя ложилось на бумагу тяжело, как монета на чашку весов. Перо скрипело, Ирса за стенкой двигала посуду, печать на моем запястье грелась ровно и сильнее обычного, словно отзывалась на каждое записанное слово.

Когда Тоби замолчал, я отложила перо. Он смотрел на меня снизу, сжавшись, ожидая, что я встану и уйду, как все уходили.

— Иди спать, — сказала я. — Завтра перевязка. Я приду с Ирсой, она будет держать голову.

Он кивнул и лег, не споря. Я закрыла тетрадь, перетянула резинкой и сунула под мышку. По дороге в кабинет встретила Ирсу в коридоре, она несла ведро с теплой водой, и от нее пахло ромашкой.

— Готовь чистую марлю, — сказала я. — Тонкую, ту что из верхнего ларя, не ту серую с лестницы. И сними с печи отвар, не кипяти больше, пусть томится.

— А мазь? — спросила Ирса.

— Мазь я возьму сама.

Я спустилась в кабинет, заперла дверь на ключ и достала тетрадь из-под стопки счетов. Положила на дно ящика, прикрыла черновиком отчета, чтобы случайный взгляд не зацепился за кожаный переплет без бирки. Потом села, положила локти на стол и посидела, слушая тишину.

Тишина в северном крыле была другая, чем в южном. Не пустая, а рабочая, как в мастерской после заказа.

Стук в дверь. Я не ждала никого.

— Открыто, — сказала я ровно.

Дверь открыл Арт. Без стука, но и без хозяина. Он стоял в дверном проеме, не переступая порога, и я впервые увидела его так близко при свече, а не при желтом утреннем свете из палаты. Темный кафтан, застегнутый наглухо, руки за спиной, лицо спокойное, но под глазами лежала тень, которую я раньше принимала за холод.

— Ты собираешь показания, — сказал он.

Это был не вопрос.

— Да, — сказала я. — Я предупредила.

— Я знаю. — Он помолчал. — Я пришел сказать тебе две вещи. Первая. Управляющий Кейн подчиняется моему деду Старшему Тирену. Я не могу снять его без совета, потому что это его ставленник, а не мой. Если я трону Кейна сейчас, совет потребует отчета и остановит ревизию.

— Я понимаю, — сказала я.

Он на меня посмотрел так, будто ждал другого ответа, и я добавила:

Радан не перебил. — Я не прошу тебя тронуть Кейна. Я собираю доказательства. Когда придет ревизор, я покажу тетрадь, имена, даты, подписи. Дальше решение совета, не мое и не твое.

— Вторая вещь, — сказал он, и я не сразу поняла, что у него подрагивает голос. — Я не знал про мальчика.

Я ничего не ответила. Он сделал шаг назад, и я поняла, что он сейчас уйдет.

— Подожди, — сказала я, потому что в этом была вся соль. — Если ты не знал, значит, в твоём доме есть человек, который бьет детей твоей печатью и прячет следы. Ты либо найдешь его сам и приведешь ко мне с показаниями, либо я приведу его сама, но уже не как больного, а как обвиняемого.

Он смотрел на меня сверху вниз. Я смотрела на него снизу вверх. Между нами стояла свеча, и я чувствовала, как моя печать тянется к его запаху, а потом будто отдергивается.

— Хорошо, — сказал он наконец. — Я найду.

Когда он ушел, я задула свечу, чтобы он не видел, как дрожат мои пальцы. Мне было мало воздуха, и я открыла окно. Снег падал крупной и тут же таял на раме. Из южного крыла долетел отзвук женского смеха — Ленна Тарг снова была там, в гостиной, в тепле. Здесь, в северном, было холодно и тихо, и эта тишина впервые была моей, а не казенной.

Мейра не ушла. Она стояла за моей спиной и ждала, пока я закончу запись. Я слышала, как она переступает с ноги на ногу, как шуршит передник, как пахнет от нее холодным подвалом и печной золой. Когда я закрыла тетрадь, она кашлянула.

— Госпожа, — сказала она тихо, — вам надо знать одну вещь про ключ.

Я не обернулась. Я знала, что сейчас услышу про ключ, про печать, про северное крыло, про то, что формально хранит лорд Арт, и про то, что без его подписи я в чужом доме только гостя, которая перевязывает чужих сирот. Я знала все эти слова наизусть, потому что четыре года назад слышала их в обратном порядке.

— У ключа два оборота, — сказала Мейра. — Первый вы уже сделали. Второй — для кладовой. Без второго оборота ключ только дверь открывает, припасы не отпускает.

Я положила тетрадь и медленно повернулась.

Мейра стояла у стены, маленькая, седая, с передником, завязанным на два узла, как у хозяйки, а не у прислуги. Глаза у нее были такие же больные, как у Ирсы утром, но голос ровный, деловой, без жалости. Она смотрела на меня так, будто проверяла, способна ли я услышать правду, не упав в обморок.

— Кейн знает, — добавила она. — Он при мне сказал Тирену, что без второго оборота крыло проживет три дня. Я слышала, как он смеялся.

Три дня. Я прикинула. У меня в лечебнице трое больных, Тоби с ожогом печати, который меняется каждый час, Олвен с сухой гнильцой в легких и старик Венн с язвой на голени, которую надо промывать дважды в день. Травы мне привезли на неделю, но хлеб, молоко и чистая вода идут через кладовую. Ключ от кладовой — у Кейна. Медный амбарный ключ — у меня, но он открывает только дверь в коридор, а не ларь с припасами. Это я уже поняла по ручке: ключ не провернулся до конца, я думала, что руки дрожат.

— Покажи, — сказала я.

Мейра кивнула и пошла вперед. Я подхватила тетрадь, сунула в карман вместе с запиской Ленны, и двинулась за ней по коридору. Под ногами скрипел старый паркет, пахло камнем и старой краской. Мейра шла быстро, не оглядываясь, будто проверяла, иду ли я следом, и одновременно показывала мне дорогу, которую я должна была запомнить.

— Здесь был ваш кабинет, — бросила она, не оборачиваясь, у одной из дверей. — Теперь там Ленна сложила свои платья. Кейн отдал ей ваш шкаф и ваше зеркало. Печать управляющего, его подпись.

Я ничего не сказала. Я шла за ней и считала двери. Первая — моя бывшая спальня, в ней сейчас, по словам Мейры, спит прислуга Ленны. Вторая — мой кабинет, теперь гардеробная фаворитки. Третья — кладовая.

Мейра остановилась у третьей двери и достала из кармана масляную лампу. Коридор был серым, окна выходили во двор, и в этот час сюда не доставал ни один факел. Мейра чиркнула кремнем, подняла стекло, зажгла фитиль и подняла лампу так, чтобы свет упал на замок.

Замок был старый, бронзовый, в пятнах, с двумя бороздками. Мой ключ вошел только в верхнюю. Под нижней была аккуратная царапина, будто кто-то много раз поворачивал другой ключ и стер металл.

— Нижняя бороздка — это второй оборот, — сказала Мейра. — Тирен заказал ключ у кузнеца в столице, когда Риану вычеркнули из реестра. Кузнец сделал два ключа, один передал Кейну, другой — в шкатулку к Тирену. У вас, госпожа, только верхний замок.

Я подняла лампу повыше и посмотрела на дверь. Она была обита железом, с тисненой чешуей по краям, с клеймом рода Верета — маленьким драконом, свернувшимся в кольцо. Я

знала эту дверь. В мою бытность здесь стоял мой ключ, я открывала кладовую сама, без чужого разрешения, и брала что хотела для крыла. Теперь у меня только дверь в коридор. Кладовая за чужим замком.

— Сколько припасов в кладовой сейчас? — спросила я.

— На четыре дня, — ответила Мейра. — Если кормить больных и прислугу Ленны отдельно, на два. Кейн перестал отпускать муку и молоко позавчера. Сказал, что ждет распоряжения главы рода.

Я поставила лампу на пол и села на корточки перед замком. Печать на запястье качнулась теплом, я посмотрела на нее — серый огонь лежал ровно, не обжигал. Я прижала ладонь к двери. Металл был холодный, шершавый, с тем самым запахом, который остается на железе, когда его трогали чужие руки. Я узнала этот запах: так пахнут ключи, которые носят в кармане у сердца.

— Госпожа, — сказала Мейра тихо, — вам нужен второй ключ. Без него крыло умрет через два дня, и вы нарушите пункт контракта о ежедневном обходе. Тогда Кейн подаст жалобу совету, что вы не кормите больных, совет примет его сторону, и контракт расторгнут по вашей вине. Так уже было четыре года назад. Только тогда вы были гостьей, а не хозяйкой, и жалобу подал Кейн же.

Я медленно выпрямилась. Колени хрустнули, я перемазала юбку в пыли.

— Кто его носит? — спросила я.

— Кейн, — сказала Мейра. — На шнурке под рубашкой.

Я подняла лампу и пошла обратно по коридору. Мейра не отставала. У двери моей бывшей спальни я остановилась и прислушалась. Внутри было тихо, только пахло чужим, сладковатым, тяжелым, как духи, которые Ленна любила капать себе на запястья.

— Мейра, — сказала я, не оборачиваясь, — мне нужно увидеть Арта.

Она не ответила сразу. Я слышала, как она переступила с ноги на ногу, как шуршит передник, как где-то внизу хлопнула кухонная дверь.

— Лорд Арт у себя, — сказала она наконец. — Ленна уехала к вечернему часу в южное крыло. Если пойдете сейчас, застанете его одного.

Я кивнула. Я знала, что иду к мужу, у которого на шнурке под рубашкой висит ключ от моей кладовой, и что просить этот ключ мне придется как милость, а не как закон. Контракт говорил, что припасы обязан обеспечивать лорд. Контракт не говорил, через какой замок. Контракт не говорил, что у лорда два ключа, а у меня ни одного. Это всегда было так: букву я получала, а мясо оставалось у Кейна.

Я пошла к Арту. Коридор южного крыла был короче, теплее, с факелами на стенах, и от этого казался чужим. У двери в покои мужа я остановилась. Печать качнулась под рукавом, я закатала его, чтобы видеть. Серый огонь лежал ровно, как ладонь. Я постучала.

Дверь открыл он сам. Без пояса, без гербовой цепи, в простой серой рубашке, с влажными после бани волосами. Он посмотрел на меня, потом на мою руку с печатью, потом обратно. В глазах у него было то самое выражение, которое я видела утром, когда вошла в свою бывшую спальню: узнавание без радости.

— Риана, — сказал он.

— Мне нужен второй ключ от кладовой, — сказала я. — Не прошу. Контракт говорит, что ты обязан обеспечивать припасы. Ключ — часть обеспечения. Без него я не могу кормить больных. Тогда Кейн подаст жалобу, совет будет на его стороне, и меня выставят снова. Ты это знаешь. Ты это уже делал.

Он не ответил. Он смотрел на меня, и я видела, как у него дернулась щека, как он сжал челюсть. Я знала эту его манеру: он считал до трех, чтобы не сказать лишнего. Раз. Два. Три.

— Заходи, — сказал он наконец и отступил в сторону.

Я вошла. В покоях пахло можжевелевым дымом и мокрым деревом, у камина лежала его рубашка, на столе — записка, которую он, видимо, только что писал и не успел спрятать. Я не стала смотреть на записку. Я села на стул у окна и сложила руки на коленях.

Он подошел к шкафу, открыл ящик, достал шкатулку темного дерева с серебряной защелкой. Открыл. Внутри лежали два ключа: один — медный, похожий на мой, второй — бронзовый, тоньше, короче, на шнурке.

— Этот, — сказал он и показал на бронзовый. — Второй оборот. Открывает ларь с мукой, с молоком, с солью, с медом. Без него дверь в кладовую только для посуды.

Я протянула руку. Он не отдал ключ сразу. Он смотрел на мою ладонь, на печать, которая лежала на запястье ровным теплом, и я видела, как его собственная печать под рубашкой чуть качнулась в ответ.

— Если я отдам тебе ключ, — сказал он тихо, — Кейн подаст жалобу, что я передал казенное имущество жене без разрешения совета. У него есть пункт в уставе: замок и припасы рода — подпись главы рода, не лорда.

— Значит, ты поставишь свою подпись, — сказала я. — Ты — глава рода после деда.

Он молчал. Я видела, как он считал про себя. Потом он подошел к столу, взял перо, макнул в чернила и быстро написал на клочке бумаги: «Ключ от кладовой северного крыла передаю жене, Риане, по праву хозяйки крыла. Арт Верет». Поставил число. Подписал.

Я взяла бумагу. Я взяла ключ. Я заметила, как его пальцы задели мои, когда он отдавал шнурок, и как печать на моем запястье качнулась коротким теплом, не обжигая, не требуя ничего. Я спрятала ключ за пояс, рядом с реестром и узелком из карниза.

— Спасибо, — сказала я.

Он кивнул. Я встала и пошла к двери. У порога я остановилась.

— Арт, — сказала я, не оборачиваясь. — Если завтра Кейн придет за ключом с жалобой, я пришлю к тебе Мейру с этой бумагой. Не меня. Мне некогда.

Я вышла и закрыла за собой дверь. В коридоре было тихо и пахло можжевелевым дымом, который тянулся за мной через порог. Я пошла в лечебницу. У двери лечебницы стояла Ирса с миской горячей похлебки и краюхой хлеба.

— Госпожа, — сказала она, — Олвен кашляет кровью.

Я отодвинула ее плечом и вошла. На столе у койки Олвена стояла банка с медом и лежала чистая тряпица. Мейра, видно, уже принесла. Я развернула тряпицу, размотала повязку и склонилась к ране. Печать на моем запястье лежала ровно, как ладонь, и я чувствовала под ней слабый, но верный жар чужого ключа, спрятанного за поясом.

- Кейн.

Я не вздрогнула. Я записала. Потом подняла голову и сказала:

- Хорошо. Дальше.

Глава 3. Чужие духи

Запах чужих духов ударил раньше, чем я успела положить ладонь на дверной косяк. Сладковатый, с пыльной нотой и медово-гнилой сладостью, от которой сводит скулы. Я узнала его сразу: так пахнут покои фаворитки, когда их проветривают не до конца. Значит, Ленна Тарг была здесь ночью. Не в гостевых, куда ее поселили, а в кабинете управляющего, за моим столом, между моими папками.

Левая рука сама нашла браслет на запястье - привычка за четыре года, когда печать была единственным, что отвечало на каждое движение. Браслет лежал холодным и ровным. Либо я не соврала, либо этот запах лжи был не моим.

Мейра ждала у окна с ключом от конторских книг. На ней было серое платье, в котором она не хотела быть замеченной. Я кивнула, прошла к столу, смахнула на пол бархатную подушечку, пахнущую чужим, и открыла верхнюю книгу записей.

Цифры прыгали. Расходы на лечебные травы были занижены, поступления от поборов со слуг задвоены, а в графе «жертвы на храм» стояла сумма, которой хватило бы на жалованье десяти мальчикам на лечение. Я провела пальцем по строчке и почувствовала подделку: чернила были разной выдержки, нижний слой желтел, верхний нет. Книгу переписывали.

— Откуда это принесли?

Мейра кашлянула.

— Из южного крыла, госпожа. Управляющий сказал, что северное не имеет права хранить подлинные книги, пока ревизия не подтвердит возвращение крыла под руку леди.

Я нашла страницу с больными. Тринадцать имен, записанных в расход с декабря. Я не знала всех, но узнавала жалобы: хронический кашель от сырости, нарывы от старой обуви, ожоги. Здесь я остановилась. Ожоги значились как случайные, но даты совпали с моими ночами в изгнании, когда я слышала через стену, как в замке бьют кого-то по одной и той же схеме. Я видела эти удары четыре года назад, когда меня выгоняли. Теперь они стояли в чужой бухгалтерии.

Кейн, управляющий от Тирена, протиснулся в дверь.

— Леди Риана, по статусу крыла вы не имеете права смотреть эти книги без разрешения главы рода. Я обязан передать том в совет и снять с вас ответственность за...

Я подняла голову. Несколько секунд мы смотрели друг на друга. Я помнила его другим: тонким, придворным, с масляной улыбкой. Теперь скулы обтянуло, у рта легла складка, и он держался за косяк так, будто его могли вытолкнуть.

— По статусу крыла, — сказала я ровно, — я обязана считать долг и проверить, за что платит этот дом. Я не ищу разрешения. Я ищу ключ от ларя, где лежат настоящие книги. Ларя, который вы, Кейн, закрыли вчера ночью.

Тишина звенела. Мейра чуть опустила голову. Кейн побагровел у висков, но голос не повысил.

— Не могу открыть ларь без печати главы.

— Тогда отправьте записку главе. Скажите, что я начинаю обход северного крыла по контракту возвращения. Первое, что сделаю, пересчитаю всех больных. Второе, потребую доступ к ларю. Третье, вызову поверенного рода для сверки цифр.

Кейн сглотнул.

— Глава сегодня в совете. Ленна Тарг заняла его внимание.

— Я подожду, — сказала я. — У меня есть время.

Он ушел. Мейра выждала минуту, достала из-под передника сложенный вчетверо лист и положила мне на стол. Я развернула.

«Копия реестра свадебного, вырванная из дела о разводе. Подпись свидетельницы. Подделка».

Я посмотрела на Мейру.

— Где оригинал?

— В архиве северного крыла, госпожа. За третьей полкой, где пыль.

Я не знала, что мне дороже: бумага, которая может перевернуть мой позор, или то, как Мейра это сказала — просто, тихо, как будто вернуть мне ключ от дома было для нее вопросом гигиены.

Я сложила лист, спрятала за пазуху и встала.

— Пойдемте, Мейра. У меня тринадцать причин не возвращаться в этот кабинет.

Запах чужого еще держался в коридоре, когда я свернула к лечебнице. Я несла с собой список имен из книги, ключ от северного крыла и собственное упрямство. Этого должно было хватить, чтобы пересчитать тринадцать больных до ужина.

Лечебница встретила сыростью и пустыми шкафами. Плита стояла холодная, на полу валялись черепки от банок, на столе лежала тетрадь учета, из которой аккуратно вырезали четыре страницы. Я подняла обрывок, посмотрела на рваный край. Не вырвали, вырезали, чтобы не осталось номера записи.

Я прошла по койкам. Первый мальчик спал, у второго горели скулы, третья девочка тихо скулила, прижимая к груди обожженную руку. Я развернула повязку — кожа вздулась пузырями, рисунок совпал с моей печатью. Кто-то из драконов бил ребенка собственной меткой. У меня свело челюсть, я заставила себя дышать ровно.

— Кто здесь старший? — спросила я у мальчика, который не спал на дальней койке.

— Я. — Он не поднял глаз. Голос хриплый, но ровный. — Тоби.

— Тоби, я Риана. С сегодняшнего дня я хозяйка этого крыла. Мне нужно знать, кто из слуг болен, кто лежит без присмотра и кто умеет читать.

Он посмотрел на меня впервые. Глаза серые, слишком взрослые, в них мелькнуло что-то похожее на надежду. Кивнул, слез с койки.

Через час у меня был список. Двенадцать имен, три из которых я узнала: те самые мальчики, которых видела четыре года назад через окно, когда меня выводили из замка. Тоби принес грязную, но полную кружку воды, поставил рядом с тетрадкой. Я выпила. Вода пахла железом.

— Покажи мне того, у кого ожог в форме печати.

Он подвел меня к койке у стены. Мальчик лет семи спал. Ожог был не случайным — кто-то прижал к коже раскаленный металл и держал. Рисунок совпадал с моим браслетом до последнего завитка. Это была не печать рода, это была личная печать кого-то из дома.

Я села на край койки, положила ладонь рядом с обожженной рукой и впервые за четыре года почувствовала, что браслет на моем запястье — не клеймо, а улика. Если ожог совпадает с моей печатью, значит, бил тот, у кого такая же. А таких в замке трое: Арт, его дед Тирен и Кейн с служебной копией.

Ключ от амбара, выданный старым лордом Каеном, я вынула, повертела в пальцах и положила обратно. Еще пригодится.

Дверь открылась без стука. Арт стоял на пороге — не в парадном камзоле, а в простой рубашке с закатанными рукавами. На его лице не было злости, был страх. Он смотрел на мальчика, на ожог, и я видела, как он понял.

— Кто? — спросил он тихо.

— У тебя в доме, — ответила я. — У тебя под печатью.

Он шагнул к койке, печать на моем запястье вспыхнула холодным огнем. Я не отступила. Смотрела, как он опускается на колени рядом с ребенком, как его пальцы — те самые, которыми он четыре года назад поставил мне клеймо — осторожно берут обожженную руку. Маль-

чик не проснулся. Арт держал его ладонь, и я видела, что руки у него в мелких шрамах, в мозолях от работы, которую лорд не должен делать руками.

— Я не знал, — сказал он, не поднимая головы.

— Теперь знаешь. И теперь это твой дом, а не мой позор.

Он поднял глаза. В них было что-то, чего я не видела четыре года: не власть, не приказ, а усталость человека, который платит за чужую жестокость. Я поправила повязку мальчику и пошла к двери.

— Риана, — его голос остановил меня на пороге.

— Ужин в восемь. Не опаздывай.

Я свернула в коридор, в кармане лежал не реестр, а чужая тайна. Копия жгла бедро через ткань, я то и дело поправляла ее. Ленна обедала в южном крыле, оттуда тянуло духами, от которых у меня сосало под ложечкой, но сегодня я шла мимо, не сбавляя шага.

В лечебнице пахло сыростью и старой кровью. Тоби встретил меня у двери, молча взял корзинку с бинтами и понес к столу. Он двигался так, словно всю жизнь таскал для кого-то лекарства.

— Садись, — сказала я ему. — Будешь записывать.

Он сел на табурет, пристроил тетрадь на коленях. Я развернула повязку. Кожа под ней была серой, как пепел.

— Имя?

— Нэд. Ему девять. Перевели из кухни за разбитый кувшин.

Я промыла рану, наложила мазь, которую сварила прошлой ночью, и перевязала. Нэд не шевельнулся, смотрел в потолок. У меня сжалось горло. Не от жалости, от злости. У меня под рукой три мальчика с ожогами в форме родовой печати, и ни один не сказал ни слова.

— Тоби. Кто их бил?

Он молчал так долго, что я уже решила — не ответит. Потом тихо сказал:

— Управляющий. Кейн. Приходит по ночам, когда лорд Арт в совете.

У меня свело пальцы. Я положила руку на стол, чтобы не дрожала, и стала считать вдохи. Кейн. Управляющий моего мужа бьет детей моей печатью.

— Ты мне это сказал при свидетеле, Тоби. Ты понимаешь, что будет, если он узнает?

Он посмотрел серьезно, по-взрослому.

— Я умею молчать, госпожа. Четыре года молчал.

Я закрыла лицо руками на секунду, потом выпрямилась. Нельзя. У меня тринадцать больных, и только я могу их перевязать, и только я могу записать их имена в книгу, которую Кейн закрыл в ларе.

Я записала: «Нэд, девять лет, ожог печати, кухня, Кейн». Потом второго, третьего. Тоби подавал бинты, молчал, иногда подсказывал имя. Через час у меня было двенадцать записей, и в каждой стояло одно и то же слово.

Из коридора донеслись шаги — тяжелые, мужские, уверенные. Дверь открылась без стука, вошел Арт. Та самая простая рубашка с закатанными рукавами. На лице не злость, а страх, и от этого мне стало больнее, потому что я знала: он не играет.

Он посмотрел на повязку в моих руках, потом на Нэда, потом на меня.

— Кто?

— У тебя в доме, — ответила я. — У тебя под печатью.

Он шагнул к койке, браслет на моем запястье вспыхнул холодным огнем. Я не отступила. Смотрела, как он опускается на колени рядом с ребенком, как его пальцы осторожно берут обожженную руку. Мальчик не проснулся. Руки у него в мелких шрамах, в мозолях от работы, которую лорд не должен делать руками.

— Я не знал, — сказал он, не поднимая головы.

— Теперь знаешь. И теперь это твой дом, а не мой позор.

Он поднял глаза. Не власть, не приказ — усталость человека, который платит за чужую жестокость. Я встала, поправила повязку мальчику и пошла к двери.

— Риана.

— Ужин в восемь. Не опаздывай.

Я вышла, дверь закрылась тихо. Тоби догнал меня у лестницы, тронул за рукав и протянул мне маленький ключ от винного погреба, который я не просила. Я взяла, не глядя.

— Госпожа. Ужин будет в большом зале. Ленна Тарг уже там.

Я сунула ключ в карман, к реестру, и пошла переодеваться.

Платье я натянула то, в котором пришла из города: серое, закрытое, с чужим шитьем на воротнике. Пусть смотрят. Пусть видят, что мне все равно.

В кармане лежали два ключа — от винного погреба и от амбара — и сложенный вчетверо лист реестра. Три предмета, которые стоили дороже любого ожерелья. Реестр я убрала под подкладку. Ленна Тарг в большом зале умеет замечать чужие карманы.

Большой зал был полон. Свечи в бронзовых канделябрах горели слишком ярко. Мейра встретила меня у двери, забрала плащ, шепнула:

— Лорд Тирен занял место во главе. Ленна по правую руку. Кейн у двери.

— А Арт?

— По левую. Отдельно.

Значит, меня уже посадили так, чтобы я была гостьей, а не женой. Я прошла между стульями, не глядя по сторонам, села напротив Ленны и положила руки на стол так, чтобы печать на запястье было видно всем. Ленна улыбнулась, и от этой улыбки у меня свело скулы.

Писец поднял перо. — Риана, дорогая, — сказала она. — Как твои больные? Говорят, ты уже лечишь служб. Какое усердие.

— Я не лечу. Я считаю. Долг дома по лечебной части за четыре года. Если твой интерес настоящий, пришлю выписку.

Она моргнула, улыбка осталась. Арт на другом конце стола поднял кубок, но не пил. Я видела, как его пальцы сжали серебро чуть сильнее, чем нужно. Лорд Тирен кашлянул.

Радан не перебил. — Риана, я слышал, ты затеяла обход северного крыла. Похвально. Но обход требует подписи мужа.

— Обход идет по контракту возвращения. Контракт подписан вами, мной и моим мужем. Подпись мужа на каждой странице уже стоит.

— Подпись стоит на контракте, — возразил Тирен, — но не на ежедневном обходе. Обход — это ритуал. Ритуал требует клятвы.

— Клятвы, — повторила я. — Чьей?

— Главы рода.

Стало тихо. Ленна опустила глаза, делая вид, что режет хлеб. Кейн у двери кашлянул. Я положила ладонь на печать, она отозвалась холодом.

— Если клятвы нет, обход не начинается. А если обход не начинается, контракт считается нарушенным. Кем, лорд Тирен?

Тирен посмотрел на Арта. Я тоже. Арт сидел прямо, на скулах ходили желваки.

— Клятва будет, — сказал он негромко.

— Когда? — спросил Тирен.

— Завтра.

Мейра подала жаркое, запах чеснока и горчицы перебил чужие духи. Я взяла нож и вилку, положила себе тонкий кусок, не глядя. За четыре года меня научили есть медленно, чтобы не подавиться, и быстро, чтобы не остаться без крошки. Я совмещала оба навыка и смотрела только в тарелку.

В комнате снова стало тихо. — Риана, — голос Арта долетел через стол слишком ровно, — завтра я дам клятву в ритуальной комнате.

Я подняла глаза. Он смотрел в упор, и в его взгляде было что-то, чего я не видела четыре года: не приказ, не милость, а просьба, которую он не умел оформить словами. Я кивнула, не улыбувшись.

— Хорошо. В восемь утра, после обхода. Чтобы мне не ждать.

Ленна положила вилку.

— Какая трогательная забота о режиме. Ты всегда так хозяйничала, Риана. Даже когда хозяйство было не твоим.

— Хозяйство было моим. Ровно до тех пор, пока муж не решил, что ему удобнее без хозяйки. Теперь оно снова мое. По контракту. С печатью.

Тирен кашлянул и поднял кубок, делая вид, что пьет. Кейн у двери поправил цепь на поясе. Мейра подала следующее блюдо, и на секунду наши глаза встретились. В них было то самое, что я видела утром у печи: узнавание.

После жаркого подали фрукты и сыр. Арт ел молча, не глядя ни на меня, ни на Ленну. Его пальцы лежали рядом с кубком, и я заметила, что на среднем пальце правой руки нет привычного перстня главы рода. Перстень перешел к Ленне вместе с обещанием, которое он не выполнил. Я отвела глаза, чтобы он не прочитал по моему лицу, что я это заметила.

Ленна поймала мой взгляд и чуть наклонила голову, как кошка, которая знает, что мышь в ловушке.

— Передай привет своим больным. Особенно мальчику с ожогом. Бедное дитя.

— Передам. Если ты придешь в лечебницу, увидишь его сама. Но входить в северное крыло без разрешения хозяйки нельзя. Ты знаешь.

Она моргнула. Тирен поставил кубок на стол чуть громче, чем нужно.

Я перевела взгляд на лист. — Риана. Ты забываешься. Ленна — гостья рода.

— Гостья. Которая носит перстень главы. Которая сидит по правую руку от старейшины. Которая называет слуг на кухне по имени. Может, определимся, кто в этом доме гость, а кто нет, лорд Тирен? Мне для работы нужна ясность.

Стало тихо. Свечи в канделябрах потрескивали, оплывший воск капал на бронзу с тихим звоном. Арт положил салфетку на стол.

— Мать северного крыла — Риана. По контракту возвращения. До королевской ревизии. Ленна не входит в северное крыло без ее разрешения.

Ленна побледнела. Не сильно, чуть-чуть, как белила, которые вдруг стали видны. Тирен поджал губы. Я подняла кубок с водой, выпила и поставила точно в кольцо от прошлого раза.

— Спасибо, — сказала я Арту, глядя ему в глаза. — Я запомню.

Я вышла из-за стола, не дожидаясь, пока встанут остальные. Мейра подала мне плащ у двери, я накинула его на плечи прямо в коридоре. Шаги за спиной были только мои.

У лестницы в северное крыло ждал Тоби. Он сидел на ступеньке, прижав к себе корзинку с бинтами, и при виде меня встал.

— Госпожа. Нэду хуже. Жар вернулся. Я положил ему мокрую тряпку на лоб, как вы учили.

Я взяла корзинку. Руки у меня теплые, его холодные.

— Идем. Я его перевяжу по новой. А ты сваришь отвар из трав, что я оставила на столе.

Он кивнул и побежал вперед, мелкий и тихий. Я пошла за ним, и мне было все равно, что думает Тирен, что планирует Ленна и как долго Арт будет помнить свой приказ.

Я шла по коридору, и запах лечебных трав смешивался со старой сыростью стен. Впереди мелькала тонкая спина Тоби в застиранной рубашке. Утром он досчитал до двухсот под моей койкой, а теперь сидел у лестницы и ждал меня сам. В этом крыле мне было ради кого просыпаться.

Дверь лечебницы я открыла плечом, чтобы не напугать. Нэд лежал с закрытыми глазами, щеки горели. Я откинула край одеяла, посмотрела повязку. Марля была сухой, но жар под ней вернулся, и я положила ладонь ему на лоб, чтобы почувствовать, сколько осталось до рассвета.

— Мейра, — позвала я. — Горячей воды.

Мейра была тут как тут, не иначе караулила за дверью. Она поставила на табурет ведро и начала разворачивать чистую ткань, а я достала из ящика банку с мазью, которую принес Арт, отвинтив крышку с осторожностью, которую никогда не позволяла себе на людях. Мазь пахла полынью.

Я промыла рану, наложила мазь, перевязала. Нэд не шевельнулся, только смотрел в потолок. Я почувствовала, как у меня сжалось горло, и подумала: если эта мазь не снимет жар к утру, придется просить у Арта вторую банку. Просить. Слово, которое я четыре года не произносила вслух в этом доме.

Тоби сидел на табурете у стены, пристроив тетрадь на коленях. Он молчал. Я заметила, что медный ключ лежал у него под ладонью, как заведенный.

— Который час? — спросила я.

Он показал три пальца. Три ночи он жил здесь, пока я считала книги и спорила за столом. Жар у него еще держался, но голос окреп.

Я дописала имена, закрыла тетрадь и положила ее на край стола. В коридоре слышались шаги — легкие, женские. Мейра возникла в дверях, бледная, без передника, и я впервые увидела ее такой.

— Госпожа. У ворот стоит кучер в темной куртке, с ним мальчик лет шести. Похож на Тоби, те же глаза. Левая рука висит плетью.

Я прислонилась к стене. У меня в кармане лежала серебряная нитка с запонки Арта, на шее пустое место, где висел браслет развода, за поясом узелок с серой тканью, на которой почерком Ленны было выведено: «Свидетельница — по болезни. Подпись заверена». В лечебнице ждал мальчик, которого я считала своим, а у ворот стоял второй.

— Позови Ирсу. Пусть выйдет к воротам и посмотрит. Если это ее мальчик, пусть приведет ко мне с черного хода, тихо. Арт не должен видеть его до совета.

Мейра кивнула и пошла. Я вернулась в лечебницу и села рядом с Тоби.

— Завтра я приведу тебе брата.

Тоби вжал голову в плечи. Он не знал и не заплакал. Четыре дня назад заплакал бы.

У двери в черный ход стояла Ирса с мальчиком за руку. Он был маленький, с тем же лицом, что у Тоби, и с ожогом на левом плече — точной копией того, что я видела у Тоби в первый день. Только этот был свежим, кожа вокруг красная, как свежий кирпич.

— Его зовут Верен, — сказала Ирса. — Ему шесть. Ленна привела из приюта вчера. Он не знает, кто его мать.

Я взяла мальчика за руку и повела в лечебницу через черный ход. Он шел молча, как Тоби в первый день. У двери я остановилась.

— Ступай к Тирену. Скажи, Риана нашла его внука. Пусть он сам решит, что с этим делать.

Ирса кивнула и убежала. Я открыла дверь.

Тоби стоял у своей койки и смотрел на мальчика. У него дрогнул подбородок, не бровь.

Я посадила Верена на соседнюю койку, сняла куртку и осмотрела ожог. Кожа горячая и влажная, под ней что-то пульсировало. Я поняла: печать, которой его ударили, была не Верет, а Тарг. Та же завиток у лопатки, что у Тоби на правом плече, только левая, потому что их рожали в одном родильном доме.

— Где тебя прикладывали? Кому показывали спину? — спросила я Верена.

Он не ответил, только сжал мою руку. Я перевязала ожог, как перевязывала Тоби в первый день, и подумала: у меня в крыле теперь два мальчика с чужой печатью, и оба молчат, и я должна решить, что с этим делать до того, как Тирен вызовет меня в зал.

Я накормила обоих кашей с медом, уложила и вышла в коридор. Печать на запястье была холодной и спокойной. Впервые за утро мне не нужно было врать, чтобы она молчала.

Из-за угла коридора пахло чужими духами. Я обернулась. Ленна Тарг стояла у перил, в сером платье — моем, четырехлетней давности, — и смотрела на меня так, будто уже считала минуты до совета.

— Какая встреча, — сказала она. — Я думала, ты еще за столом.

— Ужин кончился, — ответила я. — Обход начинается.

— Не войдешь, — сказала она. — Северное крыло мое по решению главы.

— Нет, — сказала я. — По решению мужа — мое. По контракту — мое. По обходу — мое. По закону чести, на котором ты стоишь, — мое.

Она отступила на шаг, и в этом шаге я прочла все: она знала, что мальчик Верен уже в лечебнице, и она знала, что утром совет увидит две печати вместо одной.

Я развернулась и пошла обратно к двери. Печать грела ровно, и это было хуже, чем если бы она жгла: это значило, что она впервые признала меня дома.

Глава 4. Общий обед

Ножи на длинном столе сверкали, как ряд аккуратных зубов, и каждый гость держал свой. Я вошла последней, потому что Мейра задержала меня у буфетной и поправляла воротник, будто собирала на казнь, а не на обед. Платье было серое, простое, из моего собственного сундука, который я собрала в изгнании; его никто не успел отравить чужими духами, и от этого я чувствовала себя почти чистой.

За столом сидели четверо из совета, двое слуг с кувшинами, Кейн у торца с тетрадью и Ленна Тарг чуть левее Арта, в платье цвета старого мела. Перстень главы рода на ее среднем пальце правой руки я заметила сразу; она не прятала его, она им сверкала. Печать на моем левом запястье отозвалась коротким холодным ударом, когда я проходила мимо Арта, и я стиснула зубы так, что свело скулы.

Арт посмотрел на меня поверх края кубка. Его глаза были те же, что и четыре года назад в зале суда, когда меня выводили под руку; только тогда он смотрел сквозь, а сейчас видел. Это раздражало сильнее, чем равнодушие.

Тоби стоял за моим стулом, в чистой рубашке, которую ему дала Ирса, и держал салфетку так, будто боялся, что она взорвется. Я опустила ладонь ему на плечо, и он замер, но не отшатнулся; это был наш общий знак.

Я села, и Тирен Верет заговорил первым, как и подобает деду, который считает стол своим.

— Мы собрались не для того, чтобы обсуждать кухонные книги, — он положил сухую ладонь на скатерть, — а чтобы решить, на каком основании госпожа Риана занимает северное крыло.

— На основании контракта возвращения, — ответила я, не дожидаясь, пока кто-то из мужчин решит, что мне можно говорить. — Контракт подписан кровью трех сторон, лежит в кабинете Данна и заверен королевской печатью. Если совет хочет оспорить, пусть назначит ревизию.

Тирен улыбнулся так, как улыбаются старые люди, когда они уже все про тебя поняли и решили.

— Контракт — это бумага. Дом — это жизнь. А жизнь требует клятвы главы рода.

Ленна опустила ресницы, и это движение было отрепетировано перед зеркалом. Арт сжал челюсть, но не ответил; я видела, как его пальцы побелели на ножке кубка.

— Клятва будет дана, — сказал он наконец.

Кейн поднял голову от тетради и кашлянул в кулак.

— Если позволите, лорд. По уставу дома клятва требует общего обеда и совместной трапезы. Без совместной трапезы обход считается нарушенным, а контракт — утратившим силу.

Это была ловушка, и я увидела, как Ленна чуть повернула перстень к свету, чтобы камень блеснул в мою сторону.

— Хорошо, — сказала я, и собственный голос показался мне чужим, слишком ровным. — Тогда начнем.

Я поднялась и обошла стол к буфету, где на подносе стояли три миски отвара, который я варила с утра для Тоби. Запах полыни и меда был таким густым, что его нельзя было спрятать за специями. Я поставила миску перед Тиреном, миску перед Ленной, миску перед Артом.

— Это лечебный отвар, — сказала я. — Полынь, мед, корень лопуха. Пьется натошак, по три глотка. Если кто-то из совета нездоров, отвар смягчит последствия.

Тирен посмотрел на миску, и в его глазах мелькнуло что-то, что я не смогла прочесть сразу. Ленна подняла свою двумя пальцами и понюхала.

— Милая забота, — сказала она. — Но мы здесь не для того, чтобы нас поили.

— А для чего? — спросила я.

— Для того, чтобы вы, наконец, заняли место, которое вам положено, — она поставила миску обратно на поднос. — Место гостыи, которая благодарит за кров.

Тирен не тронул свою миску, но и не отодвинул. Арт посмотрел на меня поверх своей, и я прочла в этом взгляде не злость, а какую-то усталую просьбу не начинать войны за столом.

Я взяла его миску и подвинула обратно к нему.

— Пейте, лорд, — сказала я тихо. — Я не отравительница, и весь дом это знает. А те, кто не знает, пусть посмотрят, как пьет глава рода.

Арт взял миску, и печать на моем запястье вспыхнула так, что я втянула воздух сквозь зубы. Он поднес край к губам и сделал три глотка. За ним Тирен, помедлив, тоже поднял свою. Ленна осталась с пустыми руками, и перстень на ее пальце вдруг стал выглядеть дешево.

Кейн закрыл тетрадь, и я услышала, как у него хрустнули пальцы.

— Отвар принят, — сказал он сухо. — Клятва назначается на завтра, восемь утра, после обхода. Обход ведет госпожа Риана как мать северного крыла.

Я села обратно, и Тоби подвинул ко мне мою миску. Я отпила глоток и почувствовала, как полынь горчит на языке и на сердце. Завтра в восемь утра мне нужно будет войти в ритуальную комнату и потребовать у мужа клятву, которую он должен был дать четыре года назад. Я не знала, выдержу ли я его голос в тишине ритуальной.

Ленна поднялась из-за стола, и Арт впервые за обед посмотрел ей вслед. Я заметила, как дрогнул его кадык, и поняла, что это не ревность, а жалость, а жалость хуже ревности. Печать на моем запястье медленно остывала, и я сжала край скатерти, чтобы не выдать, как сильно у меня трясутся пальцы.

Стук в дверь лечебницы раздался до рассвета, когда Мейра обычно варила кашу на общую кухню, а слуги еще не успевали надеть чистые фартуки. Я откинула одеяло, и Тоби на соседней койке свернулся в тугой клубок, как будто стук его разбудил, но он только сильнее вжался в стену. Я натянула серое платье прямо на рубашку, потому что Ирса еще спала на тумбочке у двери, засунув руки под передник.

За дверью стоял не Арт и не Кейн. Там стояла Мейра с медным кувшином в одной руке и тетрадкой в другой, и ее седые волосы были убраны так туго, что лицо стало похоже на чистый костяной замок.

— Госпожа, — сказала она, и голос у нее был тот самый, каким она отчитывала меня в детстве, когда я лила суп на скатерть. — Общая кухня к восьми не поднимется. Кейн запер кладовую на ночь и забрал ключ. У вас девять ртов в северном крыле и две лавки пустые.

Я взяла у нее кувшин, заглянула внутрь. Теплая вода, плавающие крошки хлеба, немного топленого масла, которое застыло у стенки желтыми лепестками. Этого хватало на завтрак для Тоби, но не для девяти.

— Мейра, — сказала я тихо, — у вас ключ от черного хода. Вы можете пройти по переходу в кладовую общей кухни, пока Кейн спит.

Она моргнула, и в этом моргании я увидела двадцать лет службы и одну привычку не нарушать устав.

— Могу, — сказала она. — Но тогда Кейн утром запишет меня в тетрадь как нарушительницу. А я ключница, мне без места нельзя.

— Я запишу вас как свою помощницу по контракту, — сказала я. — Утром отнесу запись в совет. Кейн не посмеет поднять тетрадь против хозяйки крыла.

Она помолчала, и я видела, как у нее дернулась щека. Это была не храбрость и не трусость, это была привычка держать крышу, пока хозяин пьян. Я знала эту привычку по матери.

— Идите, — сказала я. — И возьмите в общей кухне ржаную муку и соль. Я подпишу расход.

Она ушла, и я слышала, как по черному ходу осторожно ступают ее валенные сапоги, а потом стало тихо. Тоби сел на койке и смотрел на меня сквозь волосы, как зверек через ветки.

— Мне страшно, — сказал он вдруг, и голос у него был совсем маленький.

Я подошла, села рядом, и он прижался плечом к моему боку. Печать на моем запястье была теплой, но не жгла; кажется, она узнавала его кровь.

— Мне тоже, — сказала я. — Поэтому идем работать.

Я разожгла жаровню, поставила котелок с водой. Из своего саквояжика, который я не выпускала из рук четыре года, достала банку с засушенной мятой, маленький узел с шалфеем, завернутый в промасленную бумагу, и плоску с густым медом, который мне подарила травница в изгнании за последнюю перевязку. Этого хватало, чтобы сделать отвар от лихорадки, кашель успокоить и боль в желудке снять, если не жадничать. Я не собиралась жадничать.

Когда Мейра вернулась, она несла два мешка. Один с ржаной мукой, второй с солью и маленьким свертком, в котором я нашла кусок копченого сала и три головки лука. Она положила это на стол и разогнула спину так, что хрустнуло в пояснице.

— Кладовая пустая, — сказала она тихо. — Не только для вас. Для всего северного крыла. И для части южного. Кейн четыре года списывал расход на вино для гостей и на жалование Ленне Тарг.

Я замерла. Этого в накладных я вчера не видела. Я видела подделку по лечебнице, но не по кухне.

— Вы видели расходы на вино? — спросила я.

— Видела, — она отвела взгляд. — Я ключница, мне отчеты идут через руки. Я молчала четыре года, потому что боялась Каэла.

Каэл. Дядя Арта по матери. Тот, ожог чьей печати я уже видела на Олвене, втором мальчике в палате. Две печати на двух детях из одного рода. Я записала имя пальцем на столешнице, воображаемой буквой, чтобы Мейра не увидела, насколько я испугана.

— Спасибо, — сказала я только. — Идите, Мейра. Если Кейн спросит про ключ, скажите, что утром открывала кладовую по приказу хозяйки крыла.

Она ушла, и я осталась одна у жаровни. Котелок начал тихо посвистывать, и от пара повисло мятой, как от изгнания.

Я сняла свой серый передник, повесила его на гвоздь у двери, достала чистый, белый, который мне вернула Ирса вчера вечером. Этот передник я сшила сама четыре года назад, в последнюю неделю дома. Он пах прежней лечебницей, матерью и чуть-чуть полынью. Я завязала его так туго, что ткань затрещала на талии, и пошла будить службу.

Ирса уже стояла у двери с кувшином и мылом в руках, и по глазам было видно, что она слышала каждое слово.

— Копченое сало с луком на сковороде, — сказала я ей, — сразу, пока Кейн не пришел. И третье: ржаную кашу на воде, на всех, кто встанет к восьми. Из своего кармана я платить не буду, я запишу расход в свою тетрадь и отнесу в совет. Если меня спросят, кто позволил, отвечу: мать северного крыла позволила.

Ирса кивнула, и щека у нее дернулась, как у Мейры, та же привычка, выданная одним родом. Она ушла на общую кухню, а я вернулась в лечебницу.

Тоби уже не спал. Он сидел на койке, обхватив колени, и смотрел на жаровню.

— Тоби, — сказала я, садясь перед ним на корточки, — сегодня к восьми утра здесь будет восемь человек. Ты мой помощник, ты отвечаешь за воду и за чистые миски. Без моей команды никому ничего не подаешь и никому ничего не рассказываешь. Если кто-то спросит про ожог, молчишь. Понял?

Он кивнул, и глаза у него были такие, будто он впервые узнал, что у него есть работа.

К восьми утра в лечебницу пришли семеро. Двое из них пришли сами, остальных привели товарищи. Я раздала миски, Ирса поставила сковороду с салом и луком на отдельный стол, запах поплыл по коридору. Кейна не было, и от этого в комнате было немного больше воздуха.

Арт появился без стука. Я услышала его шаги в коридоре, услышала, как остановились, и подняла голову. Он стоял в дверях в темной рубашке, без перстня, без печати, и смотрел не на меня, а на Тоби. На миску в руках мальчика. На то, как мальчик ел.

— Лорд, — сказала я ровно. — Обход в девять. Каша и сало для всех больных, записанных в мою тетрадь. Расход подписан мной как хозяйкой крыла, прошу совет принять к сведению.

Он не ответил. Он смотрел, как Тоби макает хлеб в кашу, и у него дрогнула скула. Потом он вошел, сел на табурет у стены и положил руки на колени. Ладони у него были красные, и я впервые увидела на них мозоли. Не от меча, от письма. От того, что он четыре года вел эти поддельные книги сам.

Печать на моем запястье шевельнулась, но не обожгла. Она его узнала.

Я держала миску обеими руками и ела медленно, чтобы Тоби не торопился. Каша была жидкая, солью я не поскупилась, и от этого во рту стало по-настоящему. Арт сидел на табурете у стены, не ел, смотрел. Мне было все равно, голодный он или нет, мне было важно, чтобы мальчик доел.

— Лорд, — сказала наконец я, не отрывая глаз от миски, — если вы здесь не как хозяин, я подам вам ложку. Если как хозяин, вы мешаете моему помощнику работать.

Тишина. Я услышала, как он сглотнул.

— Ни то, ни другое, — сказал он тихо. — Я пришел спросить, как обход в девять.

Я подняла голову. Он смотрел на меня прямо, без холодного прищура, и это меня обожгло сильнее, чем печать. Так он смотрел четыре года назад, когда приходил ко мне в лечебницу ночью, до первого ожога. Я отвела взгляд первой.

— В девять как обещала, — сказала я. — С собой возьму тетрадь и Ирсу. Если совет пришлет свидетеля, пусть присылает, мне скрывать нечего.

— Я буду свидетелем, — сказал он.

— У вас перстень главы рода, — ответила я. — Вы не свидетель, вы заинтересованная сторона. По закону Верета такой свидетель веса не имеет.

В палате стало тихо. Больные перестали жевать, Тоби перестал макать хлеб. Я не смотрела на Арта, но слышала, как он медленно выдохнул.

— Хорошо, — сказал он после паузы. — Тогда я подам прошение совету о новой форме обхода. Подам завтра.

Это было слишком. Я ждала приказа, сопротивления, холода, даже удара по столу, но не этого. Я подняла на него глаза и поймала его взгляд. У него дрожал подбородок, и он тут же отвернулся к жаровне. Я увидела, как побелели костяшки его пальцев на колене.

— Мне нужно идти, — сказал он. — В девять я буду у двери северного крыла. С тетрадью и без свидетелей. Мне можно войти в лечебницу до обхода?

— Нет, — ответила я. — За полчаса до обхода муж не входит. Это мое правило.

Он кивнул, встал и вышел. Я слышала его шаги по коридору долго, и печать на моем запястье была теплой, но ровной. Впервые за четыре года она меня не обжигала в его присутствии.

К девяти я собрала тетрадь, Ирсу, двух чистых служанок, которых Тоби привел сам. На пороге лечебницы лежал сверток из темной ткани, перевязанный серой лентой. Я развязала: внутри была жестяная банка с мазью от ожогов, чистая, без клейма. На крышке неровными царапинами было выведено «твоим». Без подписи.

Я прижала банку к груди на секунду и положила в саквояж.

Обход я провела ровно, за час. Записала каждого больного, температуру, раны, имя того, кто привел. На восьмом номере, мальчике с обожженной рукой, я задержалась.

— Кто тебя привел? — спросила я тихо, чтобы слышал только Тоби.

— Дядя Кейн, — прошептал мальчик. — Ночью. Сказал, что хозяйка хочет меня видеть. Я записала «восьмой, ночь, Кейн» и закрыла тетрадь.

В коридоре у двери стоял Арт. Без стражи, без свиты. В той же темной рубашке, с мокрыми от снега волосами. У его ног лежала гора тряпья, и среди тряпья я увидела свой передник, белый, выстиранный. Я повесила его утром на гвоздь. Кто-то снял, выстирал, высушил и вернул.

— Ты мокрый, — сказала я вместо приветствия.

— Шел быстро, — ответил он.

Мы стояли в коридоре одни, и я впервые за четыре года видела его так близко. У него были красные глаза и трещина на нижней губе. Я отступила на шаг.

— Войди, — сказала я.

Он шагнул через порог, и печать на моем запястье не обожгла. Только тепло. Я села за стол, открыла тетрадь.

— Садись, — сказала я, показывая на табурет у стены. — Я пишу отчет. Ты подпишешь подтверждение, что видел больных и книги. Две подписи: твоя как главы рода и моя как хозяйки крыла.

Он сел, я подвинула ему чернила. Наши пальцы не соприкоснулись, но расстояние было меньше ладони.

— Риана, — сказал он тихо, — у меня клятва завтра в восемь.

Я подняла голову.

— Я знаю, — ответила я. — Я буду на обходе с пяти утра, проверю каждого. Если найду следы подделок в его части книги, клятва не состоится.

Он кивнул, не споря. Я опустила глаза в тетрадь, но видела, как он смотрел на мою руку с пером. На то, как серебрилась печать сквозь кожу. На то, как она впервые за четыре года не оставляла следа.

— Иди, — сказала я. — Мне нужно готовить мальчика к клятве.

Он встал, и у двери обернулся.

— Ты пахнешь мятой, — сказал он.

— Я варила отвар, — ответила я. — Твоим больным.

Он вышел, и я слышала, как по коридору пахнет мокрой шерстью и его дыханием.

Я закрыла за ним дверь на засов, и пальцы дрожали. Не от холода, от того, что он сказал. «Ты пахнешь мятой». Четыре года он не смотрел на меня так, а теперь вдруг заметил, чем я пахну, когда варю отвар его же людям. Я оперлась спиной о дверь и перевела дух. Печать на запястье была теплой, ровной, без когтей. Это пугало больше, чем ожог.

К пяти утра я не спала. Собрала саквояж с новой порцией мази, чистой повязкой, банкой для воды, тетрадь и огрызком свечи. Ирса уже стояла у двери, кутаясь в мой старый платок.

— Ты не спала, — сказала она, глядя на мои руки.

— Не до сна, — ответила я. — Идем.

Коридор северного крыла был пуст, но на лестнице у выхода в малый двор горел факел, и под ним стоял Кейн с книгой подмышкой. Я остановилась на три ступени выше его, чтобы смотреть сверху вниз.

— Хозяйка, — сказал он ровно. — По регламенту обход начинается с подписи главы рода на утреннем листе. Без подписи лорда запись недействительна.

— По регламенту Верета, — ответила я, — подпись главы рода требуется на итоговом листе после обхода, а не до. Я знаю устав лучше тебя, Кейн. Я его писала.

Он не моргнул, но книгу прижал к груди крепче.

— Лорд Арт еще спит, — добавил он тише. — Спешить некуда.

— Спешить есть куда, — сказала я. — У меня больной с ожогом и ночной обход его части книги. Если ты мне сейчас не откроешь ларь с подлинниками, я запишу твой отказ в отчет и поеду к ревизору с твоим отказом первым.

Кейн молчал. Я видела, как он считает в уме: ревизор, совет, печать на моем запястье, которая теперь не обжигает, и лорд, который ночью поставил банку без подписи. Он достал из-за пояса маленький ключ и протянул мне. Я взяла его двумя пальцами, как берут змею.

— Ирса, — сказала я, не глядя на управляющего, — запиши: «Кейн передал ключ по требованию хозяйки, пять утра, без свидетелей». И пусть подпишет.

Кейн подписал, и мы пошли к лечебнице.

Тоби не спал. Он сидел на койке, прижимая к груди обожженную руку, и смотрел на дверь так, будто ждал не меня, а кого-то хуже. Я поставила саквояж на табурет, достала свечу, зажгла от его ночника.

— Дай руку, — сказала я тихо.

Он протянул, и я впервые за два дня размочила старую повязку. Кожа под ней была красной, рваной, с тем самым рисунком, который я видела в реестре. Серое пламя Верета, отпечатанное вживую, не краской. Я очистила рану отваром, наложила мазь из банки, которую он сам принес, и перевязала заново. Тоби молчал, только косился на дверь.

— Кто тебя привел, я уже знаю, — сказала я. — Ты мне скажи другое. Тебя кормили в приюте?

— Раз в день, — прошептал он. — По праздникам два.

— А здесь?

— Здесь три, — сказал он, и впервые у него дрогнул голос. — Вы дали три.

Я отвернулась, чтобы он не видел мое лицо. За стеной скрипнула дверь, и Ирса шепнула:

— Лорд.

Арт вошел без стука, но в этот раз медленно, как входят в чужой дом. Он был в той же темной рубашке, волосы сухие, но красные глаза те же. Он посмотрел на мальчика, потом на мои руки, и остановился у стены.

— Я пришел к обходу, — сказал он.

— Садись, — ответила я, показав на табурет у печи. — Помоги. Банка от тебя, значит, ты имеешь право видеть, как она работает.

Он сел, и я подала ему чистую тряпицу для компресса. Наши руки не соприкоснулись, но расстояние было такое, что я чувствовала жар его кожи.

— Держи, — сказала я, укладывая тряпицу ему в ладонь поверх моей. — Когда скажу, приложишь к ране и будешь держать ровно, пока я не скажу «готово». Если дрогнешь, мальчику будет больно.

Он не возразил. Я положила его руку с тряпицей на ожог Тоби, прижала сверху своей, и мы держали вместе. Мальчик зажмурился, но не заплакал. Я считала про себя до двадцати.

— Готово, — сказала я, и Арт убрал руку. На тряпице остался розовый след. Арт смотрел на него, не мигая.

— Это его кровь, — сказал он глухо.

— Это его кожа, — поправила я. — Кровь будет завтра, когда я сниму старую корку. Ты придешь?

— Приду, — ответил он.

Я записала в тетрадь: «Восьмой, компресс с мазью главы рода, совместно с лордом Артом, пять утра сорок минут». И подписала обеими руками. Своей и его, пока он держал перо. Печать на моем запястье была теплой, ровной, и впервые за четыре года я не хотела, чтобы она остыла.

Глава 5. Печать на ладони

Чернила пахли железом и мокрой овчиной. Я обмакнула перо в чернильницу, поднесла к бумаге и замерла. Свеча оплыла на полпальца, в камине трещали сырые дрова, а на столе лежала записка, которую Арт оставил на тумбочке у Тоби. Не под дверью, не на полу, а именно на тумбочке, под тяжелой медной ложкой, чтобы никто не спугнул.

Я развернула лист. Почерк был ровный, мужской, без наклона: «Завтра клятва в восемь. Будь в большом зале одна. Я приду пешком, без стражи. Подпиши, если согласна. Арт».

Под текстом стояла маленькая печать Верета — не настоящая родовая, а личная, из перстня. Я знала этот оттиск: когда-то он прижимал этот перстень к моим письмам, когда я уезжала к матери. Теперь этим же перстнем он просил меня согласиться на клятву.

Я сложила записку вчетверо, потом еще раз, потом спрятала в карман передника. Не потому что боялась чужих глаз — Ирса спала в соседней комнатухе, Тоби за стеной дышал ровно. А потому что эта бумажка была моя. Первое письмо от мужа за четыре года, которое не было приказом.

В камине лопнул уголек. Я подошла к окну, прижала ладонь к холодному стеклу. Город за стеной замка тонул в предутренней мгле, на башне горел одинокий фонарь, и его свет дрожал, как у меня под ребрами.

Завтра клятва. Послезавтра — совет. После совета — Ленна в своем сером платье, Кейн со своими поддельными книгами, Тирен со своей вечной формулой «ради рода». А я — одна, с печатью на запястье, которая горит каждое утро, когда я захожу в покои Арта за припасами.

Я отвернулась от окна. На столе лежала тетрадь с записями больных, исписанные листы с расходом трав, медный ключ от амбара. И записка в кармане.

Я достала чистый лист и начала писать ответ. Не согласие, не отказ. Условия. Первое: клятва произносится в зале, при совете, а не в спальне. Второе: Ленна не входит в северное крыло без моего разрешения — ни как гостя, ни как будущая жена. Третье: книги лечебницы передаются мне сегодня, до обеда, с печатью главы рода, иначе я не выхожу на обход.

Последний пункт я подчеркнула дважды. Потом добавила четвертый: купить нормальный чай. Если уж спасти проклятый драконий род, то хотя бы не на этой горькой бурде.

Я запечатала письмо своим маленьким перстнем — тем, что остался от матери, не от Арта — и положила на стол. Утром Ирса отнесет его в южное крыло.

В камине догорела последняя толстая ветка. Я подобрала две тонкие, подвинула кресло ближе к огню и села. Печать на левом запястье отозвалась тупым теплом — не холодным, как обычно, а просто теплом. Будто признала, что я впервые за четыре года сама выбрала, на каких условиях мне остаться в этом доме.

Тоби за стеной заворочался, пробормотал что-то про «не трогайте одеяло», и снова затих. Я улыбнулась в темноту. Завтра будет трудно. Сегодня — уже легче.

Ирса принесла мне чай в пять утра, когда за окном еще стояла синяя мгла. Она поставила поднос на край стола, посмотрела на мое лицо и ничего не спросила — только подвинула чернильницу ближе и подбросила в камин полено. Утро пахло мокрой золой и дешевым табаком от печки, в которой дворник жарил себе кашу.

— Он уже знает про записку? — спросила Ирса, разворачивая чистую салфетку для бинтов.

— Узнает сегодня. Я отправила ответ с тобой.

Ирса кивнула, но взгляд у нее стал тем самым деревенским, цепким, от которого мне всегда хотелось отвернуться. Она четыре года таскала за мной сундук, отказывалась уйти в услужение к кому-нибудь почище, и именно поэтому имела право смотреть так.

— Условия — это хорошо, — сказала она. — Только чай ему не пиши. Он подумает, что ты шутишь, и решит, будто ты слабая.

— Я не шучу. Я серьезно про чай.

Она фыркнула и пошла к двери. У порога обернулась:

— Мейра просила зайти до завтрака. Говорит, что Кейн с утра запер ларь с подлинными книгами и ключ держит у себя на поясе.

Я поднялась, накинула серое платье — то самое, в котором меня впустили в замок, — и пошла через двор. Каблуки стучали по мокрому камню, в воздухе висел запах дыма и конюшни. Печать на левом запястье ныла ровно, не холодом, а как синяк перед дождем.

Мейра ждала меня у черного хода, там, где каменный пол был стерт тысячами ног. Она стояла с ключами в фартуке и смотрела на меня так, будто я снова была той девочкой, которую отправляли к матери на лето.

— Кейн запер ларь в полшестого, — сказала она. — Сказал, без печати главы рода не отдаст.

— Печать главы — это перстень Арта?

— Да. Без него ни одна цифра из подлинных книг тебе не достанется.

Я достала из кармана записку Арта, развернула, показала Мейре оттиск. Она прищурилась, посмотрела на перстень и кивнула.

— Этот подойдет. Он стоит на оттиске главы рода, когда лорд в отъезде. Но Кейн потребует, чтобы ты принесла сам перстень.

— Он у Арта.

— У Арта. И пока ты не придешь к нему за перстнем, Кейн будет сидеть на ларях как сыч.

Я сложила записку обратно. Утренний холодок пробежал по коже. Идти в южное крыло, в покои Арта, за перстнем главы рода — это значило войти в ту комнату, где вчера стояла Ленна в моем платье. Печать на запястье горела сильнее, когда я подходила к его двери.

— Я пойду сейчас, — сказала я.

Мейра положила мне в ладонь крошечный ключ от бокового хода в южное крыло.

— Это от лестницы для прислуги. Не через зал. Он не любит, когда утром через зал ходят.

Я взяла ключ. Он был холоднее печати.

Лестница для прислуги пахла сырым камнем и луком. Я поднялась на второй этаж, свернула по узкому коридору мимо кладовок, где на полках лежали мешки с крупой и связки сушеных трав. У двери в покои Арта остановилась. Печать вспыхнула холодом, как всегда, когда я подходила к нему близко. Я постучала.

— Войди.

Арт сидел за столом в простой рубашке, без камзола, без цепи главы рода. Перед ним лежала развернутая карта северных земель, и он смотрел на нее так, будто собирался с ней воевать. На столе рядом с картой стояла моя записка, уже вскрытая. Перстень главы рода лежал на подносе, рядом с чернильницей.

— Ты про чай серьезно? — спросил он, не поднимая глаз.

— Серьезно. У тебя в доме траву заваривают, а я четыре года на нормальной заварке.

Он поднял голову. Под глазами у него лежала тень, и эта тень не была от усталости — это была тень от того, что он тоже не спал. Я подошла к столу, взяла перстень. Он был теплым, как будто Арт держал его в руке.

— Кейн запер ларь, — сказала я. — Мне нужен подлинник сегодня, до обеда.

— Возьми. Скажи ему, что я разрешил.

Я надела перстень на средний палец правой руки. Он был чуть великоват, но сидел плотно. Печать на моем запястье дернулась, словно признала его, и я почувствовала, как холод чуть отступил.

— Я поставлю отпечаток на его ключе, — сказала я. — Если он еще раз запрет ларь без моего разрешения, я пойду к Тирену.

Арт смотрел на меня несколько секунд, потом кивнул.

— Клятва в восемь, — сказал он. — Не опаздывай.

Я вышла из его покоев через боковую дверь, спустилась по лестнице для прислуги и пошла в кабинет управляющего. Перстень на моей руке оттягивал палец, и я чувствовала его вес на каждом шаге.

Кейн сидел за столом, перебирая счета. Увидел меня с перстнем, и его лицо стало таким, будто я принесла ему в клюве чужой труп.

— Ключ от ларя, — сказала я и протянула руку.

— У меня нет печати главы.

Я подняла руку с перстнем. Кейн смотрел на отпечаток, и я видела, как он считает в уме: кто разрешил, когда, на сколько. Потом он молча вытащил из кармана связку ключей, выбрал медный, ларечный, и положил мне на ладонь.

— До обеда вернете, — сказал он.

— Не верну, — сказала я. — Я хозяйка северного крыла по контракту возвращения. Ларец с подлинными книгами лечебницы — моя юрисдикция.

Он встал. Я стояла. Между нами была ширина стола и четыре года, в течение которых он считал, что хозяйка здесь — он.

— Лорд Арт подпишет, — сказал Кейн.

— Лорд Арт подписал, — сказала я. — Перстень на моей руке.

Кейн сел. Я вышла, прижимая ключ к груди. На лестнице я достала из кармана записку Арта и перечитала. Почерк был ровный, мужской, без наклона. Записка была все еще теплая.

Записка была все еще теплая. Я перечитала последнюю строку дважды, сложила бумагу и спрятала обратно в карман, к ключу от ларя.

Ларец стоял в подвале под кабинетом Кейна, за чугунной дверью с засовом. Я отперла его сама, без свидетелей, и подняла крышку. Книги пахли старой кожей и тем особым холодом, который бывает только у бумаги, пропитавшейся сыростью и временем. Три толстых тома в кожаных переплетах, на каждом — медная пластинка с годом. Я вытащила верхний, открыла наугад.

Цифры печатались загодя. Я провела пальцем по левой странице: приход муки, расход муки, разница. Разница стояла ровная, аккуратная, с той ленивой точностью, с какой воруют, когда не боятся проверки. Я пролистала до графы «травы и припасы для лечебницы». Там было написано: «выдано по приказу лорда Арта, 14 фунтов зверобоя». Четырнадцать фунтов — это годовой запас. Я помнила, как в первый год изгнания покупала такой же объем на собственные деньги, и стоил он дороже, чем мне платили за месяц работы.

Я положила книгу на место, заперла ларец и пошла обратно через двор. Солнце стояло уже высоко, и каблуки стучали по плитам суше, чем утром. У входа в лечебницу меня ждала Ирса с двумя помощницами, и вид у них был такой, будто они проиграли спор с печью.

— Чай не получился, — сказала одна из них. — Травы горчат.

— Потому что это не чай. Это сено, — сказала я. — Где мешки из верхней кладовки?

Мейра принесла их через десять минут. Мешки были тяжелые, пахли мятой и лимонной коркой. Я заглянула в один, нашла вкладку с датой поставки — два года назад, когда я еще жила в замке. Значит, кто-то закупил нормальную заварку, а потом запер ее наверху и пустил по лечебнице слух, будто у нас только полынь.

— Откуда это? — спросила я Мейру.

— Из верхней кладовки. Ключ держал Кейн.

— Он что, прятал чай под замком?

— Он прятал все, что не уходило в его ведомость.

Я налила себе кружку, попробовала. Мята, лимон, легкая горчинка шиповника, нормальный вкус. Нормальный, человеческий, домашний.

— Эту заварку — в лечебницу, в покои Арта, в общий зал, — сказала я. — С подписью. Если через день Кейн спросит, отвечать, что закупка была сделана два года назад, оплачена по графе «прочее», чек у меня.

Мейра кивнула и ушла с мешком. Ирса смотрела мне в затылок.

— Ты сейчас учишь весь дом пить по-человечески, — сказала она.

— Я учу дом не врать по мелочам, — сказала я. — Чай — это просто чай, пока Кейн не сделал из него государственную тайну.

Я поднялась в свою комнату в северном крыле, достала из нижнего ящика стола тетрадь с записями больных и открыла новую страницу. Пальцы немели от холода — печать сегодня вела себя тихо, но кончики пальцев подмерзали, как зимой у стекла. Я начала заполнять графы: имя, возраст, вид ожога, дата, отметка о лечении. Каждая строка — кусок того, что Кейн прятал. Каждая строка — доказательство, что дом знал и молчал.

Тоби заглянул в дверь, держась за косяк. Он стоял там тихо, как тень, и у него под глазом темнел свежий синяк — кто-то снова приложил ему рукой, пока я была в подвале.

— Кто? — спросила я.

Он не ответил, только посмотрел на синяк так, будто хотел спрятать его обратно под кожу. Я встала, подошла к нему, взяла за подбородок и повернула лицо к свету.

— Кто, Тоби?

— Молчун, — сказал он. — Он сказал, что я должен был сидеть у себя.

Я отпустила его подбородок. Молчун — это старый конюх, который четыре года убирал за Кейном двор без жалоб. Я знала его лицо, но не голос: он действительно всегда молчал.

— Он тебя больше не тронет, — сказала я. — Если тронет, придешь ко мне сразу, без стука.

Тоби кивнул и ушел обратно к себе. Я вернулась к столу, дорисовала его строку в тетради: «ожог печати — старый, дата неизвестна; синяк под правым глазом — сегодня, конюх по прозвищу Молчун». Поднялась, спрятала тетрадь под половицу, придавила сверху медным ключом от ларя — тем самым, который теперь был моим. Пусть Кейн попробует заявить, что у меня нет юрисдикции.

Было без пяти восемь. Я надела чистое платье, застегнула его под горло, чтобы печать не торчала из рукава, и пошла в ритуальную залу через верхнюю галерею. Коридор пах воском и старым деревом, под ногами лежал каменный узор рода — та же серая плетенка, что была на моем запястье. У дверей стояли двое из старших слуг, при них — Тирен, в парадной мантии, и Данн с папкой.

Арт уже ждал внутри. На нем был церемониальный камзол с цепью главы, и при свете факелов он выглядел старше, чем вчера в лечебнице. Я остановилась у порога, и печать на моем запястье дернулась, как пойманная.

Я шагнула внутрь и закрыла за собой дверь.

Зал был небольшой, круглый, с низким потолком из темного дуба. Посередине стоял родовой алтарь — каменная плита, на которой была вырезана та же серая плетенка, что горела у меня на запястье. Арт стоял по другую сторону плиты, и расстояние между нами было ровно таким, чтобы поставить локоть и не достать друг друга.

— Ты пришла, — сказал он. Голос был ровный, без вопроса.

— Я хозяйка крыла, — сказала я. — Обход без подписи главы считается нарушением. У меня нет лишнего дня, чтобы нарушать.

Тирен кашлянул у двери. Данн открыл папку и достал лист, исписанный по формуляру. Я знала эту бумагу: клятвенный лист рода, с пустой строкой для руки мужа и пустой строкой для крови жены.

— Риана, — сказал Тирен, и имя прозвучало так, будто он пробовал его на вкус и остался недоволен. — Подойди.

Я не сдвинулась.

— Говорите стоя, — сказала я. — Я вас слышу.

Тирен посмотрел на Арта. Арт не шевельнулся. Тогда старик шагнул к плите сам, положил сухие пальцы на край и заговорил тише:

— По закону дома клятва произносится мужем и женой вместе. Рука на плите, кровь с пальца в чашу. Муж говорит первым, жена повторяет. Если жена молчит, клятва не засчитана.

— Если жена молчит, клятва не засчитана, — повторила я. — Хорошо.

Я подошла к плите и положила левую ладонь на камень. Печать вспыхнула под кожей, не больно, но плотно, как будто камень отозвался. Арт положил правую ладонь напротив. Между нашими пальцами оставалась ладонь пустого места.

— Я, Арт Верет, — начал он, и голос у него стал ниже, глуше, — глава рода, беру эту женщину в полный хозяйственный обход северного крыла от сего дня до королевской ревизии. Обещаю не входить в крыло без хозяйского зова. Обещаю обеспечивать припасы через управляющего. Обещаю не поднимать на нее руку и не поднимать голос в присутствии слуг. Если нарушу — плачу здоровьем крыла.

Он замолчал. Последняя строка осталась у него в горле, я видела, как дрогнул кадык. Это была та самая строка, которой он вчера не сказал. «Не отнимать у нее имя». Он ее проглотил.

Я убрала ладонь с камня.

— Не засчитано, — сказала я.

Тирен втянул воздух. Данн замер с пером над листом. Арт поднял голову.

— Риана.

— Последняя строка, — сказала я. — «Не отнимать имя». Без нее я не хозяйка, а гостья с ключом. Гостью можно выставить.

Тирен шагнул вперед.

— Это не твоя строка, девочка. Это его строка. Решает муж, что говорить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.